

Порочная месть

Автор:

[Алайна Салах](#)

Порочная месть

Алайна Салах

Опасные мужчины

Человек, в которого я влюбилась с той минуты, как увидела – лучший друг моего старшего брата, и он тот, кому я по собственной воле отдала самое ценное, думая, что больше никогда его не увижу. Однако спустя пять лет он сам находит меня и ставит ультиматум: либо перехожу в его единоличное владение, либо близкий мне человек пострадает.

Алайна Салах

Порочная месть

Современный любовный роман, Романтическая эротика

Теги: #принуждение #разница в возрасте #холодный мужчина

* * *

1

За пять лет до основных событий

Я критически оглядываю свое отражение в зеркале и тяжело вздыхаю. Тугое бархатное платье, купленное с полгода назад на распродаже, натирает декольте, стремительно увеличившееся к окончанию старшей школы, а обтягивающий подол норовит задраться слишком высоко из-за округлившихся бедер. Я бы и рада приобрести ко дню своего восемнадцатилетия что-нибудь новое, вот только свободных денег у меня нет: в связи с подготовкой к вступительным экзаменам в университет времени на подработку катастрофически не хватает, а зарплату, которую отец получает на заводе по производству пластиковой тары, он успешно спускает на то, чтобы залить свою трехлетнюю боль от кончины мамы. Можно было попросить денег у моего старшего брата Артура, но на это у меня не хватило совести, потому что он и так делает для меня много: например, выступает спонсором сегодняшнего празднования. И пусть я отмечаю день рождения не в роскошном кафе, а в нашей тесной гостиной, главное, что на столе есть мои любимые тако и праздничный торт с розово-кремовой надписью: «С днем рождения, Эрика», а рядом со мной люди, которые мне дороги: подруги Кристин и Анжела, наш сосед Макс, сам Артур и, конечно, Кейн, его лучший друг, в которого я влюблена с тех пор, как надела свой первый бюстгальтер.

– Чего ты там копаешься, Эрика? – Кристин толкает меня в бок острым кружевным локтем и недовольно хмурит брови. Вот у кого не возникает проблем с тем, что грудь лезет из выреза платья, как поднявшееся тесто: подруга, кажется, перестала расти, как только ей стукнуло четырнадцать, сохранив пропорции миниатюрного подростка. – Артур уже разлил вино, а Кейн выглядит так, словно ему скучно.

Кристин всегда знает, на что надавить, чтобы получить желаемое. Она, как и я, с ума сходит по Кейну, но тоже совершенно безответно. Он бывает у нас дома едва ли не каждый день, и каждый раз смотрит на меня и подруг, как на надоевший предмет интерьера. Исключение составляют лишь те случаи, когда он разговаривает с Артуром: ледяная корка на красивом лице трескается, являя на свет человека, которому не чужды эмоции простых смертных. В остальном же Кейн выглядит так, словно испытывает к окружающим людям брезгливость.

– Слушай, может, Кейн – гей? – шепчет Кристин, когда мы, держась за руки, возвращаемся в гостиную. – В прошлое воскресенье я весь день провалялась на заднем дворе в том развратном купальнике, который привезла из Испании, а он на меня ни разу не взглянул.

При взгляде на Кейна, небрежно свесившего руку через спинку стула и слушающего треп Артура, я ощущаю, как сердце превращается в тающее эскимо. Любой самый незначительный его жест отзывается в теле странным восторгом.

– Он не гей. Артур как-то упоминал, что Кейн оставался ночевать у знакомой, и уж они там точно не кулинарное шоу смотрели.

Озвучить вслух то, что Кейн занимался с посторонней девушкой сексом, равносильно удару под дых, но я не могу позволить Кристин думать о нем плохо, потому что в моих глазах он идеален.

– Мы тебя потеряли, Эрика, – хмурится брат, с нескрываемым недовольством оценивая тесный капкан моего праздничного туалета.

После того как отец променял родительские хлопоты на бутылку виски, Артур взял на себя обязанности главы семьи и для своих отвязных двадцати пяти блестяще с ними справляется: у нас в холодильнике всегда есть еда, счета за аренду вовремя погашены, а его чрезмерный контроль над моей жизнью – это, скорее, побочный эффект, который можно перетерпеть.

Я посылаю ему примирительную улыбку и, опустившись на стул, вновь украдкой смотрю на Кейна. Прослеживаю волевою линию его челюсти, тонкий, с небольшой горбинкой нос и два зигзагообразных шрама на лбу, пока он сам продолжает вращать между длинных пальцев свернутую салфетку, наблюдая за ней из-под полуприкрытых век. Даже салфетка для него интереснее, чем я. И я совсем не списываю это на изъяны своей внешности: отражение в зеркале и навязчивое внимание парней в старшей школе дают все основания быть уверенной в своей привлекательности, но очевидно, что для Кейна я навсегда останусь младшей сестренкой его лучшего друга.

– За тебя, Эрика! – восклицает Анжела, перевешиваясь через весь стол, чтобы стукнуться со мной бокалом с вином. – За твое совершеннолетие и будущее поступление в университет!

Под общий звон хрусталя я обвожу присутствующих глазами и делаю крошечный терпкий глоток. Знаю, что Артур за мной наблюдает, и не хочу, чтобы он жалел о

своем решении позволить алкоголю присутствовать на столе лишь потому, что его младшая сестра не знает меру.

– Артур, – деловито произносит Кристин, пока я пытаюсь изящно разделать тако при помощи вилки и ножа в попытке продемонстрировать исключительные столовые манеры. – Предки дали добро на покупку машины, а так как я в этом совсем не разбираюсь, мне бы пригодилась ваша с Кейном помощь. Скажем, в эти выходные?

Все-таки Кристин самая умная из нас троих: она всегда подходит к достижению своей цели с умом. Вот и сейчас безошибочно угадывает, что самый эффективный способ заполучить Кейна во многочасовую близость – это действовать через моего брата. Артур никогда не откажется поглазеть на автомобили и, разумеется, позовет с собой своего лучшего друга.

– Думаю, я выкрою на это время, – откликается брат и откусывает внушительный кусок тако, совершенно не заботясь, как это выглядит со стороны. Разве стоит смущаться в компании неинтересующих тебя малолеток? – А Кейн не сможет – через два дня он уезжает в Нью-Йорк.

– В Нью-Йорк? – картинно распахивает глаза Кристин и переводит взгляд на Кейна.

Выражение его лица остается неизменно скучающим. С легким кивком он тянется к бокалу с водой и делает ленивый глоток.

– Кейн открывает офис в Нью-Йорке и переезжает туда насовсем, – великодушно поясняет брат, с нескрываемой гордостью поглядывая на друга.

Кровь ледяной волной приливает к щекам и груди, когда до меня доходит смысл его слов: Кейн переезжает за тысячу миль от нашего городка, и, скорее всего, я его больше не увижу. И пусть между нами ничего не может быть, я готова и дальше продолжать довольствоваться теми моментами, когда мы сталкиваемся в дверях гостиной, или когда я чувствую мятно-табачное дыхание на своем предплечье, ставя перед ним кружку с приготовленным кофе. А теперь, выходит, даже этим маленьким радостям моего сердца придет конец.

Забыв об обещании не налегать на выпивку, я обхватываю похолодевшими пальцами ножку бокала и до дна осушаю его содержимое. Опьяняющий дурман мягко ударяет по затылку, но не приносит ни унции облегчения моему отчаянию. Как же это неправильно, что я умираю внутри от одной мысли, что больше никогда не увижу Кейна, а ему все равно. Мы ведь знакомы больше пяти лет, а если бы не очередная попытка Кристин заигрывать с ним, то я бы даже не узнала, что он насовсем покидает наш захудалый городок.

– Давайте включим музыку! – Тряхнув золотисто-рыжеватой гривой с вплетенными в нее разноцветными нитями, Анжела подпрыгивает со стула и несется к стоящей в углу колонке с явным намерением поставить что-то из своих любимых композиций.

– В честь именинницы! – тычет пальцем в кнопку музыкального центра, оглашая гостиную звуками романтической баллады, и отвешивает глубокий поклон.

Глаза помимо воли нащупывают Кейна, посылают немую мольбу меня пригласить. Наверное, хорошо, что в этот момент он продолжает щелкать пальцем по экрану мобильного и не замечает всей глубины моего отчаяния.

– Эрика, – рука Макса ложится на мое плечо. – Потанцуем?

Я бросаю последний взгляд через весь стол и, убедившись, что моей робкой надежде получить желанный подарок суждено быть погребенной под тоннами безразличия, позволяю увлечь меня в центр комнаты.

– У меня есть для тебя еще один подарок, – удерживая ладони на весу чуть ниже моих ребер, тихо произносит Макс. Очевидно, он, как и я, чувствует на себе наблюдательное око брата. – Можешь зайти ко мне завтра, и я тебе его отдам.

Вот почему я не могла влюбиться в такого парня, как он? Макс симпатичный и высокий, и не похож на перекачанного подростка, застрявшего в переходном возрасте, как большинство моих сверстников. Учится в университете, а по выходным подрабатывает диджеем в местном клубе, где пользуется популярностью среди тусовщиц. Влюблен в меня года два и неоднократно давал понять, что готов вступить в отношения. Жаль, что сердцу не прикажешь.

Краем глаза я замечаю, как Кристин, поправив грудь, укомплектованную внушительным пуш-апом, поднимается с места и решительно идет к Кейну. Сердце опутывается болезненной паутиной ревности. Склонившись к нему так близко, как я себе никогда не могла позволить, она что-то заговорщицки шепчет ему на ухо. Я перестаю дышать и стискиваю рубашку Макса в кулаках так сильно, что он начинает смотреть на меня с удивлением. Неужели он подарит ей танец? Мой прощальный танец?

Но вместо этого Кейн уворачивается от волос, задевающих его щеку, и, раздраженно сжав челюсть, мотает головой. А пока Кристин пытается свыкнуться с очередным поражением, поворачивается и смотрит прямо на меня. Его темные глаза слегка сощурены, когда он скользит взглядом по моему лицу, задерживается на губах, и, спустившись ниже, оценивает ладони партнера на моей талии. Музыка исчезает так же, как и обнимающий меня Макс, под напором его внимания, которое продолжает лениво стекать к подолу моего нелепого платья и замирает там на добрых несколько секунд.

Так вот какво это, когда Кейн смотрит по-настоящему. Когда во рту пересыхает, а от бешеных ударов сердца начинает гудеть позвоночник. Когда по коже растекаются невыносимое жжение и мурашки, а внизу живота собирается горячий влажный ком, рождающий запретные мысли.

К тому моменту, как взгляд Кейна возвращается к экрану телефона, мой мозг, получивший инъекцию из смеси адреналина, влюбленности и гормонов, принимает самое смелое и безбашенное решение за всю мою жизнь. Если судьба добровольно не готова отдать мне подарок к совершеннолетию, я заберу его сама.

2

Кристин, Анжела и Макс покидают наш дом ближе к десяти вечера, после того как все тосты были сказаны, подарки вручены, а тарелки погребены в посудомойку. Отец появился к середине празднования, окинул присутствующих невидящим взглядом и, вытащив из ящика початую бутылку виски, также молча ретировался. Не то чтобы я ждала от него каких-либо знаков внимания или поздравлений, но в душе фантомным эхом отдается тянущая тоска. Этот

неопрятный человек с въевшимся под кожу запахом виски и безразличия к окружающему миру совсем не похож на моего улыбчивого отца, который мастерил качели на заднем дворе и терпеливо помогал мне с заданиями по ненавистной химии, не дававшейся мне в школе. Трагедия ухода мамы, у которой в последние годы жизни врачи диагностировали терминальную стадию рака крови, перевесила чашу весов его любви как к самому себе, так и к нам, его детям, и все попытки вернуть отца на орбиту цветущей реальности путем семейных интервенций, консультаций с наркологом и встреч с братьями по недугу не увенчивались успехом. И, кажется, мы с братом оба с этим смирились.

Вернувшись в свою комнату, я стягиваю с тела удушающий кусок ткани и иду в душ. Невзирая на то, что к празднованию дня рождения я и так привела себя в состояние нарядной стерильности, снова растираю кожу мочалкой до скрипа и заново мою голову, потому что план, который, подобно настырному клещу, поселился в мозгу в тот момент, как Кейн действительно взглянул на меня, требует нового уровня чистоты.

Высушив волосы и нанеся на лицо крем, я подхожу к зеркалу и придиричиво оглядываю себя в отражении: темные прямые волосы до плеч, не такие густые, как грива Анжелы, но и вялой паклей их тоже не назовешь; симпатичное лицо с ярким украшением в виде пухлого рта... Вот только глаза я всегда хотела большие и голубые, а не этот кошачий разрез с инкрустацией коричневой радужки. Фигура... мне сложно оценивать себя ввиду произошедших за последний год изменений, но думаю, она у меня хорошая даже несмотря на худобу: крупная высокая грудь, кожу на которой, к счастью, не изувечили растяжки от чересчур стремительного роста, узкая талия и наличие внушительной выпуклости в том месте, где у девушек моей комплекции ее обычно нет.

Убедившись, что в моей внешности нет ничего из того, что могло бы отвратить Кейна, накидываю на плечи голубой махровый халат и потуже затягиваю пояс. Несколько секунд гипнотизирую свое отражение расширенными адреналином зрачками и, избавляясь от пыли сомнений кивком головы, выхожу в коридор.

Дверь в спальню Артура, к счастью, закрыта. Вздрагивая от малейшего скрипа половиц, я миную ее и иду в сторону дальней комнаты, которая вот уже несколько лет негласно зовется комнатой Кейна из-за того, что он минимум раз в неделю остается в ней ночевать. Сердце колотится так сильно, что, кажется, его удары разносятся в тишине коридора. А что, если он выгонит меня? Или, что

еще хуже, позовет брата, чтобы тот лично убедился в том, насколько испорчена его младшая сестра? Ох, нет, об этом кошмаре даже думать не стоит, ведь это мой последний шанс лишиться девственности с человеком, которого я люблю.

Я останавливаюсь возле заветной двери и, чтобы дать себе время привести дыхание в порядок, начинаю изучать ее замысловатый деревянный узор. Страшно ли мне? Еще как страшно. Готова ли я отступить? Ни за что. Ведь если есть хоть малейший шанс, что я получу то, зачем пришла, значит, все будет не зря. Потому что этот день я запомню на всю оставшуюся жизнь, как и всегда хотела.

Опускаю застывший в горле ком судорожным сглатыванием и, занеся руку, негромко стучусь три раза. Нервно одергиваю пояс халата, когда слышу твердые приближающиеся шаги.

Кейн распахивает дверь в одном спортивном трико, отчего у меня мгновенно пересыхает во рту – я ни разу не видела его без футболки. У него мускулистый торс, немного худощавый, что выгодно отличает его от протеиновых фанатиков, тягающих железо в зале в погоне за нефункциональным рельефом, как у борца или у профессионального спортсмена: широкая треугольная спина, в меру накачанные руки с выступающими венами и плоский живот с намеком на кубики и ту самую V.

При виде меня его обычно непроницаемое лицо на секунду теряет свою невозмутимость и темная бровь ползет вверх.

– Можно войти? – полухриплю-полушепчу, ощущая, как сердце вновь ускоряет свой ритм до критического, а в голове, словно беспокойная канарейка, бьется лишь одна мысль: «Пожалуйста, Господи, пусть он меня не прогонит».

Кейн неспешно сканирует мое лицо из-под полуопущенных век и, не сказав ни слова, отходит в сторону, впуская меня. Придерживая сцепленными пальцами отвороты халата на груди, я быстро захожу внутрь и замираю, уставившись на смятую кровать, где валяются его мобильный и небрежный комок толстовки.

Не знаю, что приводит меня в такое замешательство: то, что мы впервые находимся наедине в его спальне, или осознание того, что назад пути уже нет, но я буквально подпрыгиваю на месте, когда слышу хлопок закрывшейся двери.

Не вижу, а скорее чувствую, как Кейн обходит меня сзади и, подойдя к приоткрытому окну, из которого успокаивающей влажностью задувает июньский вечерний ветер, берет с подоконника пачку и небрежным жестом выбивает из нее сигарету. В повисшем молчании, облокотившись назад, вспышкой-щелчком прикуривает ее и, выпустив перед собой густую сизую струю, устремляет глаза на меня.

- Ты вроде хотела поговорить.

В этот момент я очень жалею, что отказалась пить вино, которое Анжела стащила у своего отца и принесла с собой в рюкзаке, потому что доза смелости извне мне бы сейчас не помешала. Ведь, если подумать, это наш первый с Кейном разговор, который не касается крепости кофе или присутствия Артура в доме.

- Ты уезжаешь... И я подумала... - запнувшись, я нащупываю пальцами край пояса халата и начинаю судорожно его тереть.

Кейн чуть закидывает голову назад и выпускает новую струю из легких, после чего, прищурив глаза, вновь смотрит на меня, передавая неукоснительное послание продолжать.

- Я хочу, чтобы ты стал моим первым, - выпаливаю, захлебываясь разорвавшимися во мне эмоциями и словами, и усилием воли подавляю в себе детское желание зажмуриться после сказанного. Грудь поднимается и опускается, словно я только что вернулась с десятимильной пробежки, пальцы на руках и ногах собираются в замок от переполняющего волнения, пока я жду его реакции на свое скандальное предложение.

Его рука на долю секунды замирает с сигаретой у рта, и по телу прокатывается знакомая волна дрожи от пристальности его взгляда. Снова делает глубокую затяжку и, не снимая холодного равнодушия с лица, негромко произносит:

- А мне это зачем?

Я чувствую себя рыбой, выброшенной на сушу: открываю и закрываю рот, не в силах выдавить из себя ни слова. К такому я была не готова. В смысле не была

готова к тому, что Кейн будет задавать вопросы, а мне придется на них отвечать. В своих фантазиях я рисовала, что мы поцелуемся, а после это случится.

– Ты станешь моим первым. – В моем небогатом арсенале доводов это самый сильный аргумент. Наверное, потому что Кристин как-то сказала, что парни чувствуют гордость от того, что девушка дарит им свою невинность.

Холодный голос Кейна с легкостью разбивает мой главный козырь:

– Меня не интересуют девственницы. Для чего мне портить отношения с лучшим другом ради неопытной девчонки в моей постели? Попроси дурачка-соседа – он будет счастлив стать первооткрывателем.

Наверное, так себя чувствуют начинающие актрисы на кастинге, когда понимают, что прослушивание целиком и полностью провалилось: бледнеют и готовы с головой уйти под землю.

В последней отчаянной попытке произвести впечатление на искушенное жюри я кладу дрожащие пальцы на пояс халата и, впившись ногтями в тугой узел, развязываю его. Полы тяжелой ткани повисают на плечах, обнажая часть груди и прикрытые кружевом бедра, отчего на коже моментально собираются мурашки. Зажмурив глаза, делаю несколько глубоких вдохов и снова смотрю на Кейна.

– Я хочу, чтобы это был именно ты.

Если он и впечатлен моей смелостью, то не подает вида: его лицо по-прежнему непроницаемо, глаза лениво прикрыты, а рука с зажженной сигаретой покоится на колене, натягивающем свободное трико.

Молчание между нами расплывается в невыносимые секунды, высасывая воздух из комнаты и из моих легких, поэтому я, мысленно признав поражение, прячу глаза в пол и задергиваю полы халата, готовясь уползти в свою комнату и не выходить оттуда до конца своей девственной одинокой жизни.

– Оставь, – короткие шесть букв, произнесенные стальным приказным тоном, равносильны разряду электрического тока, подведенного к мозжечку: руки безвольно опадают по сторонам, ноги слабеют, и все тело вытягивается струной.

Кейн швыряет окурок за спину и, выпрямившись, направляется ко мне. Останавливается на расстоянии немногим больше дистанции танца, на который Макс, а не он, пригласил меня несколько часов назад, и оглядывает так, словно видит впервые.

Я беззвучно втягиваю носом спасительные глотки кислорода, пропитывающиеся запахом сигаретного дыхания и терпкого тепла кожи, и через секунду вздрагиваю от безапелляционного приказа:

– Сними эту тряпку.

3

Не в силах разорвать наш гипнотический контакт, я минуя запоздалый стыд и по очереди выпутываю плечи из широких рукавов халата. Плотная ткань падает к моим ногам, и лишь после этого мрачное сияние темных глаз дает мне освобождение: спускается ниже, оставляя огненный след на шее, и затихает на груди. Прикосновение взгляда к коже ощутимо так же, как если бы Кейн дотронулся до меня рукой: тело покрывается новой волной мурашек, и соски твердеют, вызывая нелогичное для поставленной цели желание прикрыться.

Через несколько секунд осмотра его взгляд вновь возвращается к моему лицу и падает на рот. Машинально пытаюсь его облизнуть, но твердое прикосновение пальца, прижимающее верхнюю губу к зубам, останавливает мою попытку.

– Открой, – голос Кейна, вибрирующий и глубокий, проникает в уши, растекаясь по венам горячей дрожью и требованием повиновения.

Я робко приоткрываю рот и просто жду, что произойдет дальше. Твердая подушечка большого пальца задевает зубы, проскальзывая внутрь, и слегка надавливает на язык, распространяя пьянящий табачно-солончатый вкус по

рецепторам. От неожиданности я мычу, но Кейн пригвозждает меня взглядом, как препарированную амфибию, и посылает следующий приказ, от которого волоски на теле встают дыбом, а в животе закручивается странно-горячий спазм:

– Обхвати его ртом и соси.

Превозмогая смущение и пробирающую под кожей дрожь, я послушно обжимаю губами палец и подаюсь вперед, ощущаю грубоватую кожу и гладкость ногтевой пластины. Кейн следит за моим действием из-под завесы опущенных ресниц и, когда я отстраняюсь назад, чтобы вновь повторить движение, негромко произносит:

– Язык.

Я сглатываю собравшуюся слюну и осторожно дотрагиваюсь языком до пальца, ощущая, как его вкус, словно смертоносный вирус, распространяется по крови, за доли секунды достигая мозга. Кейн проталкивает его глубже, и я, боясь, что он захочет прекратить или сочтет меня скучной, старательно глажу его по всей длине.

Это странное действие отзывается в теле волнительным восторгом, поэтому я инстинктивно вытягиваю вперед шею и целиком вбираю его в себя, отчего веки Кейна вздрагивают, на короткое мгновение лишая его лицо равнодушия. Мой рот невольно дергается в улыбке от того, что мне удалось его удивить, но торжеству не суждено длиться долго, потому что в то же мгновение звучит:

– Пока ты в моей спальне – ты подчиняешься, – и в подтверждение этих слов его палец, словно наказывая меня за неповиновение, проскальзывает так глубоко, что я закашливаюсь.

Я моргаю в знак того, что поняла, после чего Кейн, не отрывая от меня глаз, находит мою висящую вдоль тела ладонь и кладет ее себе на живот. От соприкосновения с его горячей кожей и упругими мышцами глаза распахиваются шире, и я машинально вдавливаю пальцы сильнее. До сих пор происходящее кажется мне сном: Кейн позволяет мне дотрагиваться до себя, а я стою перед ним в одних лишь трусиках. Но даже если это и сон, тогда я не хочу просыпаться, потому что знаю, что о том, что происходит сейчас, я никогда не

пожалеею.

Тяжелая ладонь накрывает мою и тянет вниз, к ребристой резинке спортивных штанов.

– Трогала когда-нибудь член? – без тени заигрывания или флирта спрашивает Кейн, слегка поднимая темную бровь.

Настойчивая прямота его взгляда обескураживает, а влажный палец, лениво массирующий нижнюю губу, отвлекает, поэтому все, что я могу сделать – это отрицательно мотнуть головой. О каких членах он говорит, если мое сердце и тело хранят верность ему одному с тех пор, как мы впервые встретились?

Глаза Кейна прищуриваются, словно берут на себя функцию детектора лжи, и внимательно изучают мое лицо, после чего он ровным голосом отдает свой очередной приказ:

– Спусти руку вниз и потрогай меня.

И я, словно запрограммированная его командами кукла-робот, скольжу подушечками вниз: с замиранием сердца миную преграду в виде плотной ткани и сразу же упираюсь во что-то тугое и горячее, оставляющее влажный след на пальцах.

– Трогай.

Я обхватываю член неуверенной рукой, ощущая, как под тонкой атласной кожей перекачивается внушительная твердость. Я не знаю, каков среднестатистический размер мужского достоинства, но уверена, что у Кейна он больше, чем просто средний: крупная вершина с туго натянутой кожей, объемный ствол и выпуклые вены, оплетающие его длину.

– Обхвати его рукой и двигай вверх и вниз в том же темпе, в каком я буду трахать твой рот. – И до того, как до меня успеваешь дойти смысл его слов, его палец вновь толкается в мои приоткрытые губы.

Памятуя о прошлых инструкциях, встречаю проникновение в рот языком и, одновременно сжав головку ладонью, тяну вниз. Несколько неуклюжих движений спустя, в процессе которых Кейн продолжает неотрывно следить за мной, я постепенно нахожу нужный ритм и начинаю ласкать его более уверенно.

То, что происходит между нами сейчас – это странно и скандально, но почему-то дико нравится мне, настолько, что чувство смущения окончательно уплывает в небытие и все, что остается на поверхности – это мое раскалившееся добела нутро, набухшая твердость в руке и палец Кейна, покоряющий мой рот.

Устремленные на меня глаза темнеют, хотя, кажется, чернее их бездонной пропасти быть уже не может, и я ощущаю в ладони новую порцию влажности. В ту же секунду уверенная рука фиксирует мое запястье и Кейн твердо командует:

– Хватит.

Я отдергиваю ладонь и, впившись ею в полы халата, смотрю в его лицо, пытаюсь понять, что я сделала не так, но, к счастью, Кейн не выглядит злым или разочарованным. Застывший на моих губах палец приходит в движение и снова надавливает мне на язык:

– Смочи его слюной.

Стараясь не думать, к чему ведет эта просьба, я провожу по длине пальца губами и, когда уже собираюсь выпустить, слышу приказное:

– Еще.

Когда он вытягивает палец из моего рта, он мокрый настолько, что тонкая нить слюны тянется по подбородку, заставляя меня краснеть. Не обращая внимания на мое смущение, Кейн прижимает его к моей левой груди и спускает вниз, наэлектризовывая каждый пройденный дюйм ожиданием. Когда прикосновение достигает напрягшегося соска, начинает медленно распределять по нему влагу, отчего внизу живота рассыпаются горячие искры, а с губ срывается изумленный стон от того, что мое тело способно такое чувствовать.

Я невольно опускаю глаза вниз, упираясь взглядом в выпуклость под тканью трико, и в этот момент промежность простреливает влажный спазм, потому что пальцы Кейна с силой сжимаются на моем соске.

– Продолжай смотреть на меня, – сощурился глаза, он сканирует мое лицо. – И избавься от белья.

Я спускаю ладони вниз и, не решившись наклониться, чтобы не мешать Кейну исследовать мою грудь, стягиваю трусики до середины бедер. Его взгляд незамедлительно проследит за этим движением и замирает в области лобка, отчего мои щеки мгновенно покрываются румянцем. Я никогда не делала эпиляцию, как Кристина или Анжела, обходясь бритвенным станком во благо гигиены и узких плавок купальника, и сейчас впервые об этом жалею. Наверное, у меня внизу все не так, как он привык видеть.

– Расставь ноги шире, – произносит Кейн, и в его голосе угадываются совершенно новые ноты, хриплые и завораживающие, отчего к горлу взвывается трепет восторга. Потому что теперь я уверена: он тоже меня хочет.

Незаметно сглотнув, я раздвигаю ноги, чувствуя, как тугое кружево трусиков больно впивается в бедра, и в этот момент Кейн неуловимым движением руки резко дергает их вниз, отчего белье с надрывным треском съезжает до колен.

– Смочи, – два пальца, на этот раз указательный и средний, упираются мне в губы, и я, повинувшись напору, втягиваю их в рот и щедро прохожусь языком.

Кейн осматривает их, словно оценивает тщательность выполненного задания, после чего фиксирует меня тяжестью своего взгляда и впечатывает влажное прикосновение мне в лобок. Из горла вырывается произвольный стон, когда его пальцы движутся вниз и касаются там, где все пульсирует и пылает, как никогда раньше.

– Кажется, смазка была лишней, – хрипло констатирует Кейн, пока, не сводя с меня глаз, растирает сложенными пальцами влагу между раскрытых складок. До этого момента я даже не подозревала, что мое тело способно настолько терять над собой контроль: внизу живота зреет что-то сильное, что лишает меня всех цивилизованных рефлексов: глаза закатываются, а с губ рвется мольба не останавливаться.

– Продолжай смотреть на меня, – врывается в пелену моей ускользящей осознанности.

Твердый палец неглубоко проникает в меня, заставляя всхлипнуть и с силой впиться зубами в губу. Так вот почему все эти актрисы так стонут во время секса – они просто не в силах держать распирающее наслаждение в себе.

Повинуясь зову телесных инстинктов, впервые нашедших выход, я неосознанно расставляю колени шире, успевая уловить языки пламени во взгляде Кейна.

– Ты уже трогала себя так? – палец проникает в меня глубже, и к нему присоединяется второй, к моему смущению, вырывая из недр тела звонкий чавкающий звук.

Я молчу, потому что не способна произнести ни слова. Ощущения внутри меня настолько острые, что мне становится страшно от того, что наслаждение переступит ограничительную черту и мой мозг будет не в силах справиться с его последствиями.

– Отвечай.

– Нет, – выдыхаю полустоном и фокусируюсь глазами на Кейне, как на единственном, что может удержать меня в реальности.

И снова мучительно медленное движение пальцев, раздвигающих отяжелевшие складки, и следующее за ним горячее прикосновение, сосредотачивающееся на той самой точке, от которой спазм в животе натягивается до финального предела.

– А этот влюбленный в тебя неудачник касался тебя здесь?

Я ловлю ртом воздух и успеваю мотнуть головой, перед тем как кровь отливает от лица и устремляется вниз, туда, где через мгновение происходит мощнейший взрыв, сметаая за собой крупницы моего сознания. Я падаю вперед, обхватывая ладонями твердые плечи, жмусь ртом к гладкой ключице, выплескивая в нее бессвязные междометия и стоны.

В лоне все еще не стихает бешеная пульсация, когда две жесткие ладони подхватывают меня под ягодицы и, подняв вверх, относят в кровать.

Облизав пересохшие губы, разгоняю кратковременную слепоту и вижу, как Кейн освобождает себя от штанов: прижатый тканью член, тяжело покачиваясь, опускается под прямым углом, давая недвусмысленный намек, что то, за чем я пришла, сейчас свершится.

– Ты предохраняешься? – Кейн скользит взглядом по моему расprostертому на одеяле телу, не спеша начиная двигать ладонью по своей длине. – Потому что я не собираюсь использовать резинку.

– Да. – И пусть это не так, у меня всего пару дней назад закончились месячные, а из курса анатомии я знаю, что шансы забеременеть в этот период практически равны нулю.

Кейн упирается коленом в кровать, пружинящую под тяжестью опускающегося на меня тела, отчего из легких вырывается благоговейный вдох. Я в окружении тепла его кожи и пьянящего запаха мужской терпкости, как всегда и мечтала, и я ни о чем не жалею.

Темные глаза фокусируются на моих, и подбородок обжигает требовательный ультиматум:

– Будь тихой, поняла? Если Артур о чем-нибудь узнает, ты об этом пожалеешь.

Я утвердительно трясую головой, после чего Кейн слегка приподнимается, направляя эрекцию к моему входу. Прижимает ее к раскрытым складкам и, надавив сильнее, делает несколько вертикальных движений вверх и вниз, отчего мое едва получившее расслабление тело нагревается снова. Я инстинктивно раздвигаю ноги шире и в этот момент чувствую вторжение массивной плоти, отчего резко дергаюсь и сгребая пальцами пододеяльник. Мне вдруг становится страшно, что я не смогу принять Кейна целиком, и что боль будет настолько невыносимой, что я закричу и разбужу брата.

– Хватит зажиматься, – слышится стальной голос. – Так ты сделаешь хуже себе.

Я снова киваю, давая знак, что поняла его, и, сделав несколько глубоких вдохов, пытаюсь заставить себя расслабиться. Это ведь то, чего я хотела, правда? Потерять невинность с любимым человеком, которого, скорее всего, больше не увижу.

Тугое проникновение, расширяющее меня изнутри, стопорится через пару секунд, словно упершись во что-то. Горячее тело Кейна накрывает меня, рассыпая идеальное блаженство по коже, и в это же мгновение промежность обжигает нестерпимая боль, от которой из глубины легких вырывается крик, а из глаз брызжут слезы.

– Тихо, – предупредительно рычит Кейн, и его рот накрывает мой, когда он толкается в меня снова. Я ахаю, потому что держать такую боль в себе выше моих сил, но этот звук тонет в прижатых ко мне губах. И нет, он не целует меня, хотя я и мечтаю о первом поцелуе с ним, лишь глушит мои стенания, продолжая терзать меня изнутри: выходит до конца и снова пробурирует мое лоно, отчего соленая влага сильнее струится по щекам.

Острой боли уже нет, что означает, что факт дефлорации состоялся, но об удовольствии речи идти не может. Все слишком туго, как будто размер Кейна для меня велик, слишком мучительно обжигает.

Чувствую, как его ладонь вклинивается между нашими телами и ложится мне на клитор. Распахиваю глаза и испуганно смотрю на Кейна: он хочет выжать из моего тела это снова?

– Ты кончишь, – хрипло сообщает он, очевидно прочитав мои мысли во взгляде. – Не пытайся сопротивляться.

Его пальцы так правильно касаются меня, что, даже несмотря на ноющую боль внутри, тело не может противиться новой волне наслаждения. Всклипнув, я впиваюсь пальцами во влажные от пота плечи и, непроизвольно подавшись бедрами вверх, насколько позволяет вбивающееся в меня тело Кейна, принимаю на себя неумолимый апокалипсис.

Кажется, я снова кричу, но мои возгласы гасятся ладонью, сдавливающей мне скулы.

– Продолжай сжимать его, Эрика, – глухо шипит Кейн, приблизив ко мне лицо. – Сильнее.

Толчки внутри меня становятся еще суровее, и когда мое тело готово распасться на атомы от изнуряющего испытания болью и наслаждением, требовательный рот накрывает мой, жадно толкая язык мне навстречу. Мой первый поцелуй, от которого каждая клетка начинает звенеть счастьем. Я целую его в ответ, вкладывая всю свою страсть и будущую тоску, но Кейн почти сразу же разрывает наши рты и начинает так агрессивно вбивать меня в кровать, что та бьется изголовьем в стену.

Внезапно внутри становится так тесно, что кажется, меня разорвет на части, слышится сдавленный хрип Кейна, и в то же мгновение промежность обжигает расплавленной магмой. Движения во мне не прекращаются, но становятся более сбивчивыми и постепенно замедляются, и я ощущаю, как из меня вытекают горячие струи, орошая ягодичицы.

Упершись локтями в кровать, чтобы удержать себя на весу, Кейн замирает, и сквозь собственное истеричное сердцебиение я ловлю его прерывистое дыхание. Это случилось. Моим первым поцелуем и моим первым мужчиной стал Кейн Колдфилд, парень, которого я люблю до ломоты в грудной клетке.

Через несколько секунд влажный жар его тела покидает меня, и Кейн, ничуть не стесняясь своей наготы, направляется в сторону ванной. Я сажусь на кровать и, опустив глаза вниз, рассматриваю расплывшееся по хлопку красное пятно со следами вытекшей спермы.

– Собери свои тряпки и постельное белье и уходи из моей комнаты, – несется из приоткрытой двери ванной металлический голос. – Мы с тобой закончили.

4

Наши дни

– Эрика, ты не знаешь, куда запропастилось мое черное платье с вырезом на спине? – Кристин появляется посреди нашей крошечной гостиной и смотрит на меня, по-детски надув губы. Подруга остается верной себе в упорстве в достижении поставленной цели: ее печальная мордашка безошибочно транслирует немую просьбу: «Помоги мне, ибо самой мне ни за что не справиться».

Уже три недели я и Крис арендуем двухкомнатную квартирку в недорогом районе Нью-Йорка, куда переехали после окончания университета. Дома меня уже ничего не держало: спустя несколько месяцев после моего поступления Артур объявил, что в нашем захудалом городишке ему не светит сколотить приличную карьеру, и переехал на заработки в Нью-Йорк; а отец, так и не справившись с пагубным недугом, скончался от почечной недостаточности в прошлом году. Его смерть вызвала во мне смешанные чувства: горечь утраты и постыдное облегчение. Еще до окончания учебы я знала, что уеду из дома, и меня точили угрызения совести за то, что придется бросить отца одного.

– Э-э, нет, мелкая хитрюга, – изобличительно тычу в хрупкую фигурку Кристин пальцем, – со мной этот номер не пройдет. В твою кукольную платьице моему заду все равно не влезть, так что все подозрения в том, что я его коварно запрятала себе в ящик, считаю необоснованными. – Глядя, как лицо подруги стремительно скисает, говорю уже более серьезно: – Не дуйся, Крис. В любое другое время я была бы рада тебе помочь, но у меня через полчаса собеседование в одной фирме неподалеку. Кажется, им нужен специалист в бухгалтерию.

В течение двух недель я активно штудирую объявления о работе, рассылая резюме во все офисы в радиусе двадцати миль от нашей квартиры. Когда на немногочисленном семейном совете в лице меня и Артура обсуждался мой будущий переезд, брат пообещал, что подыщет для меня вакансию в фирме своего друга, однако, когда билеты на самолет уже были куплены, и я связалась с ним с просьбой встретить меня в аэропорту, Артур сказал, что у него возникла неотложная необходимость на неделю слетать в Лос-Анджелес, и заверил, что по возвращении мы встретимся, и он обязательно поможет мне обустроиться. С того момента прошла половина месяца, но брат до сих пор не вернулся: он выходит на связь раз в неделю, чтобы поинтересоваться, как у меня дела, и сказать, что в связи с возникшими рабочими сложностями ему придется еще немного задержаться. Потому я решила, что нужно перестать уповать на его помощь и заняться поиском работы самой, тем более что мои небольшие

сбережения от студенческой подработки официанткой тают с каждым днем. Все-таки Нью-Йорк – это не Нью-Олбани, где за триста долларов в месяц ты можешь позволить себе арендовать жилье и не умереть с голоду.

При упоминании о вакансии глаза Кристин озорно загораются, и она картинно шлепает себя ладошкой по лбу:

– Дырявая моя голова. Вчера я полдня проторчала на Крейглисте, выискивая вакансию, от вида которой мне не захочется плакать, и нашла кое-что для тебя.

С этими словами она торжественно дефилирует ко мне через всю гостиную и царственным жестом вкладывает в руку листок с выведенным на нем телефонным номером.

– Работа прямо для тебя, Эрика. Помощник главного бухгалтера, опыт не требуется, офис прямо на Манхэттене, а зарплата такая, что я и сама бы не прочь попасть на это собеседование. Жаль, что образование у меня неподходящее.

Если Кристин, чьи родители владеют сетью небольших супермаркетов у нас в Индиане, может еще долгое время привередничать на рынке вакансий, то для меня такая роскошь непозволительна. Поэтому я с готовностью беру листок и вкладываю его в лежащий на диване ноутбук, на случай если сегодняшнее собеседование окажется провальным.

– Ну хоть за это я могу рассчитывать на твою помощь в поиске платья? – играет подкрашенными бровями подруга. – Ведь я такая умница и, возможно, только что обеспечила тебя работой мечты.

– Ты неисправима, ты знаешь? – треплю ее по голове, отчего Кристин начинает недовольно верещать, утверждая, что я порчу ей прическу. – Помогу, как только вернусь с собеседования. Чувствую, сегодня мне повезет.

Но мне не везет даже с учетом того, что я надела свою любимую кремовую блузку, которая помогла мне с отличием сдать экзамены. Потенциальный работодатель, седовласая дама лет шестидесяти с орлиным носом и тонкими губами на угловатом лице, кажется, вспылала ко мне нелюбовью, едва я переступила порог ее пыльного офиса.

– Так у вас совсем нет опыта, мисс Соулман? – спросила она, брезгливо скривив рот, словно выпускники университета, не имеющие пятилетнего стажа работы за плечами, – противоестественное явление, которое должно быть навсегда искоренено.

– Я указала об этом в резюме, мэ, – ответила я, уже предчувствуя тотальный провал.

Мисс Шеппард, как звали эту женщину, задала мне еще пару вялых вопросов, после чего выпроводила за дверь, не слишком убедительно заверив, что в случае положительного ответа мне обязательно перезвонят. А так как с определенного времени розовые очки были исключены из моего эмоционального гардероба, я ей не поверила и по приезде домой вычеркнула эту вакансию из своего списка.

– Ой, да не грусти ты, – фыркает Кристин, плюхаясь рядом со мной на диван. – Ты позвонила по тому номеру, что я тебе дала?

Устало потираю глаза и, вытянув ноги на журнальный столик, расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки. Нью-йоркское лето невыносимо душное, а кондиционер в нашей квартире не работает с первого дня переезда.

– Пока нет. Думаю, уже поздно, и стоит подождать до завтра.

Подруга закатывает глаза и, раздраженно шлепнув меня руке, выуживает из кармана айфон.

– Звони, – бесцеремонно впихивает его мне в руку. – А то они найдут другого дилетанта, а ты и дальше будешь таскаться по собеседованиям.

Решив не спорить с настойчивостью Кристин, извлекаю из ноутбука записку и в сопровождении ее удовлетворенного взгляда вбиваю необходимые цифры. Спустя пару гудков в трубке раздается мелодичный женский голос, информирующий, что я позвонила в компанию «КейКей Индастрис», и интересуется, чем его обладательница может быть полезной.

– Эмм... я звоню по поводу вакансии помощника бухгалтера, – от волнения я поднимаюсь с дивана и начинаю расхаживать по периметру гостиной. – Я еще не

присылала вам резюме и хотела спросить...

– Как ваше имя, мисс? – учтиво уточняет моя собеседница.

– Эрика Соулман. Дело в том, что я только что окончила университет по специальности экономика, и у меня совсем нет опыта...

Замечаю, как Кристин в излюбленной манере закатывает глаза, давая понять, что я все делаю неправильно, но, к счастью, девушку по ту сторону такая информация не смущает.

– Наша вакансия подразумевает соискателей без опыта. Во сколько вы сможете к нам подъехать?

Улыбнувшись своей удачливости и показав язык наблюдающей за мной подруге, быстро отвечаю:

– Думаю, сегодня для собеседования уже поздно, поэтому я могу подъехать завтра к девяти утра.

– Сегодня не поздно, – уверяет волшебный голос. – В течение двух часов вы сможете к нам подъехать?

Кажется, им действительно очень необходим этот помощник. Может, у меня и правда есть шанс.

– Хорошо, мисс, я буду. Продиктуйте, пожалуйста, адрес.

В назначенное время я стою в офисе «КейКей Индастрис» и мысленно благодарю свою неугомонную подругу за то, что заставила меня сменить блузку, которая официально утратила свою репутацию «счастливой», на новое платье-футляр, а мои скучные балетки на ее элегантные остроносые шпильки. Потому что в противном случае я не уверена, что меня вообще бы пустили на порог этого роскошного офиса. Он словно сошел с обложек глянцевого каталога офисных интерьеров: уйма пространства, мраморные полы, отражающие множественные блики потолочных софитов, тяжелые двери из дорогого массива, ненавязчиво подсвеченные неонами буквы «КейКей» над стойкой ресепшена, выполненной в

угловатом стиле хай-тек, и как вишенка на этом дизайнерском торте: хозяйка самого ресепшена, выглядящая как Линда Евангелиста времен расцвета ее модельной карьеры.

– Чем могу помочь, мисс? – интересуется девушка, заметив меня, растерянно застывшую на выходе из лифта. Ее голос и профессиональная вежливость выдает в ней мою телефонную собеседницу.

– Я Эрика Соулман, – посылаю ей ответную улыбку и незаметно расправляю плечи, чтобы выглядеть солиднее. – Мы договаривались с вами по поводу собеседования.

– Прошу, присаживаетесь, мисс Соулман, – выверенным взмахом кисти девушка указывает на молочный диван чуть левее стойки ресепшена и заверяет: – Всего минуту ожидания. Я доложу руководству о вашем прибытии, и вас немедленно пригласят.

Пока она о чем-то негромко переговаривается по телефону, я снова окидываю взглядом сказочное помещение и невольно стискиваю пальцы в тесноватых туфлях. Пожалуйста, пусть у меня все получится. Я хочу работать в этом офисе. Каждое утро покупать стакан кофе, носить деловую одежду и, наконец, перестать беспокоиться о том, будут ли у меня деньги на то, чтобы погасить арендную плату в следующем месяце.

– Мисс Соулман, – голос из-за стойки заставляет меня вскинуть глаза и от волнения немного привстать с дивана. – Мистер Колдфилд готов вас принять.

При звуке этого имени я зависаю в воздухе, словно колибри, чувствуя, как на спине и на груди выступает испарина. Мистер Колдфилд? Что за насмешка судьбы: в многомиллионном Нью-Йорке прийти в офис к человеку, носящему ту же фамилию, что и мужчина, который парой пренебрежительных фраз разбил мне сердце пять лет назад. Да нет-нет, это чушь. Совпадение.

Усилием воли выведя себя из оцепенения, я выпрямляюсь и фальшиво-уверенной походкой следую за радушной секретаршей.

– А как зовут мистера Колдфилда? – решаю спросить, когда мы останавливаемся возле тяжелой двери с выдавленными на ней золотыми буквами: К. Л. Колдфилд,

Генеральный менеджер.

И прежде чем меня посещает мысль, что и инициалы владельца кабинета являются странным совпадением с именем из моего прошлого, девушка распахивает дверь и нараспев произносит:

- Мистер Кейн Ллойд Колдфилд - его полное имя. Прошу, входите.

5

Прикосновение захлопнувшейся двери бьет в похолодевшую спину, отсекая пути к отступлению. Впившись ладонями в ремешок сумки, с барабнящим сердцем смотрю на хозяина кабинета - того самого человека из моего прошлого, которого я мечтала никогда больше не встретить. Вольготно устроившись в массивном кожаном кресле, Кейн Колдфилд сканирует меня все тем же бездушным взглядом из-под лениво опущенных век, словно я мышь, которая по глупости забралась к нему в офис, и ему необходимо решить, что с ней делать: прихлопнуть ботинком или вызвать службу дератизации.

- Здравствуй, Кейн... то есть мистер Колдфилд, - решаю поздороваться первой, чтобы не выглядеть совсем растерянной. Много лет назад я дала себе слово, что, даже если судьба будет настолько ироничной, чтобы столкнуть нас снова, я не стану выглядеть трепещущей дурочкой в его глазах.

Кейн не спешит с ответом, словно ему нравится подогреть мою нервозность. Его взгляд, подобно рентгену, разбирает меня по частям, всаживаясь под кожу и накрывая приступом удушья от вредоносности своего излучения, от которого не спасает даже плотная ткань платья.

- Садись, - произносит, наконец, не терпящим возражений тоном, который с легкостью минует возведенные мной оборонительные стены и переносит в день, когда он так же отдавал мне приказы.

Под пристальным дулом его глаз пересекаю пространство кабинета и, бесшумно приземлившись в кресло, оглядываю деловое убранство стола: небольшая

стопка документов, пересеченная лежащей на них увесистой ручкой, широкоформатный моноблок с логотипом надкусанного яблока, ультратонкий мобильный и миниатюрная база селектора. Ни фотографий в рамке, ни чашки с кофе, ни единой соринки на столе – ничего из того, что могло дать намек, что человек, сидящий напротив, имеет слабости или привязанности. В поле моего зрения также попадают кисти его рук в обрамлении белоснежных манжет рубашки: крупные и широкие, с выступающими тугими венами и длинными пальцами с идеально обработанной ногтевой пластиной. Кольца нет.

– Когда я шла на собеседование, я понятия не имела, что могу встретить кого-то из знакомых, – стойко принимаю тяжесть темного взгляда на своем лице. – Я в Нью-Йорке совсем недавно, и такая неожиданность. Удивительное совпадение.

Стараюсь, чтобы мой голос не звучал чересчур холодно, выдавая обиду влюбленной восемнадцатилетней девчонки, но и не стремлюсь говорить приветливо, потому что наперед знаю, что, независимо от результатов собеседования и предложенной оплаты, ни за что не стану здесь работать. Все, чего я хочу сейчас, закрыть вынужденную формальность этого разговора, вернуться в нашу с Кристин квартиру, откупорить бутылку вина и вместе с терпким глотком похоронить восстание забытых эмоций и воспоминаний.

– Ты думаешь, это совпадение? – темная бровь Кейна ползет вверх, и грудь опалает новым приступ учащенного сердцебиения. Господи, ему ведь тридцать один. Почему прошедшие годы совсем не наложили на него отпечаток старения? Почему у него не поредели волосы, как у Артура, и не появилось дополнительных морщин и кругов под глазами? Почему ворот идеальной рубашки не подпирает второй подбородок, а плечи стали еще шире? Почему, черт возьми, он выглядит моделью для обложки журнала «Красивые и Успешные»? Ведь было бы гораздо проще сохранять невозмутимость, выгляди он плохо.

– Я не верю в судьбу, если ты об этом, – парирую в защитном сарказме. Кейн слегка склоняет голову вбок, и в матовых ониксах его зрачков мелькает что-то, напоминающее снисходительное любопытство. – Я искала работу, а Кристин наткнулась на твою вакансию и записала номер телефона.

Между нами снова повисает пытливая тишина, словно Кейн проверяет, насколько душой я себя выставляю, если он продолжит и дальше молчать. Меня даже посещает мысль проявить великодушие и отметить, как многого он

добился за пять лет, проведенных в конкурентном мегаполисе, но в последний момент я передумываю. У меня нет цели оставлять в его памяти лестные воспоминания о себе.

– Могу я узнать о вакансии? – слегка приподнимаю брови, чтобы продемонстрировать, что наше странное немногословное общение затянулось. – После у меня назначено еще одно собеседование.

– Никакого собеседования у тебя не назначено, – холодный, словно стальной нож, голос разрезает мое вранье. – Но даже если и так, я бы не рекомендовал тратить на него свое время.

Дав себе пару секунд, чтобы оправиться от тех пренебрежения и превосходства, с которыми Кейн дает мне советы, словно считает, что его мнение все еще имеет для меня хоть какой-то вес, я щурю глаза и копирую оттенки металла в его тоне:

– Благодарю за рекомендацию, мистер Колдфилд, но вряд ли я ей воспользуюсь.

Оттого, что даже спустя пять лет он ведет себя со мной словно с его личной ручной зверушкой, я чувствую подкатывающую волну злости и поднимаюсь на ноги. Плевать на приличия, я собираюсь уйти.

– Знаете, я внезапно вспомнила, что даже не взяла с собой резюме, поэтому продолжать собеседование не имеет смысла. Простите, что заняла ваше...

– Сядь, – его слова звучат совсем негромко, но они производят на меня такой же эффект, как дуло пистолета, приставленное к голове: меня парализует, и ладони становятся влажными. – Ты здесь не просто так, и это не случайность, и уж точно не судьба.

Мои колени внезапно слабеют, и я, сама того не замечая, послушно опускаюсь в кресло.

Кейн встает, давая мне возможность оценить идеально сидящий серый костюм, застегнутый на одну пуговицу, негибамую осанку и то, что я не ошиблась, когда полагала, что прошедшие годы он много времени уделял спорту: его былая худощавость исчезла, сменившись налитым объемом мышц,

угадывающимся даже под слоями дорогой ткани. Не спеша обходит стол и, поравнявшись с моим креслом, нависает тенью, погружая меня в аромат селективного парфюма, будто созданного специально для него: нотки перца и мускуса, перекликающиеся с чем-то неуловимо терпким, отчего голова немного плывет, а в животе завязывается неуютным ком.

– Ты здесь, потому что я так захотел, – слова вбиваются мне под кожу, словно клеймо раскаленного металла, заставляя ежиться и вжиматься в кресло. Что означает: потому что я так захотел? Это Кристин дала мне записку, и я своими ногами по ошибке пришла к нему на собеседование. – Так вышло, что твой единственный оставшийся в живых родственник забрал то, что принадлежит мне, предав мое доверие. Поэтому я решил, что будет справедливо взамен забрать у него то, что имеет значение для него...

Я в изумлении вскидываю глаза, встречаясь с давящим грузом взгляда сверху, и дергаюсь, когда слышу финал фразы:

– Тебя.

Меня? Он, черт побери, из ума выжил? Или же штамп вседозволенности – это обычное явление для человека, наделенного деньгами и властью? Я понятия не имела, что у Артура были какие-то дела с Кейном. Брат открыл в Нью-Йорке небольшой сервис по починке автомобилей, но вряд ли его бизнес мог как-то пересекаться с деньгами «КейКей Индастрис».

– Люди – это не вещи, Кейн, – как я ни стараюсь не выдавать своего негодования, мой голос начинает дрожать. – Что значит забрать? Я что, пачка сигарет или ручка, которую можно просто сунуть в карман и унести, куда вздумается?

Кейна мои слова явно забавляют. Он облакачивается на край стола и, расстегнув пуговицу на пиджаке, с подобием ухмылки на ярких губах кивает:

– Верно подмечено, Эрика. Станешь чем-то вроде моей карманной ручки.

Больше я терпеть не намерена. Мало того что он, очевидно, заманил меня в свой офис под предлогом липового собеседования, так он еще и открыто унижает меня.

– Я уйду, – резко взмываю с кресла, но в ту же секунду две стальные руки перехватывают мои плечи и, больно сдавив, фиксируют на месте.

– Ты выслушаешь меня до конца, – холодно произносит Кейн, царапая мое лицо льдинами взгляда. – Потом поедешь домой, соберешь необходимые вещи и будешь ждать, когда мой водитель тебя заберет. В противном случае твоего брата, который наивно полагает, что я не знаю о том, что он месяц прячется по отелям Вайоминга, найдут на помойке с простреленной головой.

И пока я безуспешно сглатываю ужас и подкатывающую к горлу тошноту, усиливающиеся давлением пальцев на моей коже, Кейн добавляет:

– И пусть это не мои методы, но ведь для лучшего друга можно сделать исключение, правда?

– В кого ты превратился? – шепчу, все еще не в силах поверить, что это происходит на самом деле. Что человек, который был гостем у нас дома и который знал мою семью, способен угрожать моему брату смертью и шантажировать ей меня.

– Превратился? – Кейн слегка приподнимает брови, демонстрируя удивление. – Я всегда тяготел к справедливости.

Он отпускает мои плечи, и я, как выброшенный камень, падаю в кресло.

– Не советую идти в полицию, – невозмутимо продолжает Кейн, словно дает инструкцию о том, как мне найти нужную улицу. – Хотя ты можешь попытаться, чтобы получить представление о безвыходности своего положения.

– И чем я буду заниматься у тебя? – уточняю пересохшими губами. – Стирать твои рубашки? Выгуливать твоих собак?

– Мои рубашки стирает домработница, и собак у меня нет, – жестко разбивает мои предположения Кейн. – Я планирую тебя трахать, пока ты мне не надоешь. Мы ведь с тобой так много всего не попробовали.

Огонь от унизости и издевки его слов опалает лицо, заставляя кулаки сжиматься. Как он может так со мной? Как вообще можно быть таким жестоким с человеком, который не сделал тебе ничего плохого?

– Мы бы могли начать прямо сейчас, но, боюсь, у меня нет на это времени, – застегнув пуговицу, Кейн обходит стол и возвращается в кресло. – Ты можешь идти. Водитель заедет за тобой в девять.

Меня штормит и в горле невыносимо сухо, когда я, опираясь на подлокотники кресла, встаю и, прижав к груди сумку, иду к выходу. Мне нужно покинуть это здание, вернуться домой и решить, как быть дальше. А здесь, рядом с ним, я просто не могу думать.

– Передай мои благодарности Кристин, – вонзается мне в спину. – Она всегда была редкой дурой.

6

Едва я переступаю порог нашей с Кристин квартиры, необходимость держать эмоции под контролем исчезает, и я тихо оседаю по стенке прихожей. Я словно нахожусь в дурном сне, от которого никак не могу очнуться: вонзаю ногти в ладони и дергаю волосы, но морок не отступает, оставляя меня наедине с угрозой Кейна и моим отчаянием.

Сделав несколько глубоких вдохов, приказываю взять себя в руки и лезу во внутренний карман сумки за телефоном. Мне нужно позвонить Артуру и потребовать объяснений. В душе теплится надежда, что Кейн просто меня разыграл, и брат, помучив меня пару минут, признается, что это была всего лишь их шутка. Горько усмехнувшись, я отпинаваю от себя эту иллюзию вместе со звуком сбрасываемой туфли. Мужчина, которого я сегодня встретила, точно не из тех, кто снизойдет до чего-то настолько человеческого, как шутка или розыгрыш.

Поднявшись с пола, обхожу квартиру и, убедившись, что дома я одна, набираю номер Артура, с которого он звонил мне в последний раз. С момента его

затяжной командировки я ни разу не перезванивала ему сама, чтобы не отвлекать от дел и не выставлять себя потерянной школьницей, по ошибке оказавшейся без родительского надзора, и сейчас надеюсь, что он все еще использует этот телефон. Сжимаю трубку во влажной ладони и до боли прикусываю щеку, когда слышу бездушный голос автоответчика, информирующего, что абонент недоступен. Набираю еще и еще, но ответ остается без изменений – единственный человек, который мог меня успокоить, не собирается выходить на связь.

Несколько секунд разглядываю потемневший экран, смиряясь с поражением, после чего вновь оживляю его движением пальца и набираю номер Кристин. Я уже не сомневалась, что никакого объявления о работе не было и что телефон приемной «КейКей Индастрис» попал в мои руки из крохотных ладошек подруги целенаправленно, вот только отказывалась верить, что она сделала это со злым умыслом. Скорее всего, ее, как и меня, вовлекли в эту авантюру обманом. Я верю, что Кристин не могла меня предать.

– Пожалуйста, скажи, что мои сексуальные туфли оказались эффективнее твоей пуританской блузки и тебя приняли на работу, – журчит ее звонкий голос в трубке. Судя по размеренному музыкальному биту и шуму разговоров на заднем плане, подруга расслабляется в очередном модном кафе. Первое время Кристин и меня пыталась таскать с собой, но я регулярно отказывалась. Не потому, что предпочитала затворнический образ жизни, а потому что жалела потраченных денег на неоправданно дорогую чашку кофе. Пока не решилась моя проблема с трудоустройством, мне необходимо было строго контролировать свои финансы.

– Это Кейн попросил тебя вручить мне номер его приемной? – не утруждаю себя словесными прелюдиями.

В трубке повисает ошеломленное молчание, с каждой секундой убеждающее меня в том, что я права, и подруга действительно знала, куда она меня отправляет.

– Пару дней назад в кафе ко мне подсел парень и представился помощником Кейна Колдфилда, – быстро начинает говорить Кристин, которая, судя по исчезнувшим шумам, сменила место своей локации. – Костюм ценой в пару тысяч баксов, дорогие часы... Он не был похож на шарлатана. Сказал, что ввиду отъезда Артура мистер Колдфилд хотел посодействовать тебе в поиске работы, но не желает, чтобы ты восприняла это как подачку, и просил оставить встречу в

секрете. Он и дал мне номер телефона. Дома я вбила имя Кейна в Гугл и скажу тебе, друг твоего брата теперь важная шишка... металлургические заводы в Канзасе и Аризоне, несколько строительных объектов, международные контракты. Ну и я, разумеется, решила, что было бы здорово тебе устроиться к нему.

А пока я быстро обрабатываю услышанную информацию, она виновато уточняет:

- Что-то случилось? Собеседование не задалось?

Как бы мне ни хотелось злиться на Кристин за ее простодушие, я не могла: что-то мне подсказывает, что в случае неудачи Кейн нашел бы способ добиться желаемого. Первый шок отступает, и на меня вдруг накатывает сильнейшая усталость. С каждой минутой я все больше убеждаюсь, что Кейн не шутил и не блефовал в своем обещании меня забрать. Слова Кристин, человек, подсевший к ней в кафе, молчащий телефон Артура. Артур... Чудовищное предположение простреливает виски, заставляя спину леденеть. Почему его телефон недоступен? Господи, а вдруг Кейн привел в действие свою угрозу и брата уже нет в живых?

- Эрика, - слышится взволнованный голос Кристин. - Ты здесь?

- Нет никакой вакансии. Кейн сказал, что Артур сильно подвел его и исчез, а за его проступок должна буду расплачиваться я.

Я сознательно говорю подруге лишь часть правды, чтобы она не натворила чего-нибудь, что могло бы навредить Артуру в случае, если он еще жив. Иногда Кристин бывает очень деятельной.

- Что значит «ты должна будешь расплачиваться»? - возмущенно верещит подруга. - Что за бредовая вендетта?

- Сказал, что мне нужно собрать свои вещи и сегодня его водитель перевезет меня к нему домой.

В трубке повисает озадаченное молчание, после чего Кристин решительно произносит:

– Жди меня дома. Я скоро буду.

Словно мне есть куда идти.

– Нет, это совершенная бессмыслица, – Кристин грозно расшагивает по поскрипывающим полам гостиной, бросая на меня, съезжившуюся на диване, горящие негодованием взгляды. – Нельзя взять и запереть человека у себя дома. Вот увидишь, никто за тобой не приедет, а Кейн просто решил тебя припугнуть.

– Ты знаешь Кейна столько же, сколько и я. Даже больше, судя по тому, что ты читала о нем в интернете, – говоря это, я подразумеваю, что за пять лет не предприняла ни единой попытки что-либо разузнать о нем. Любая информация о Кейне Колдфилде была для меня табу. – Разве в его манере разбрасываться словами?

Кристин застывает рядом со стоящим напротив креслом и, нахмурившись, с размаху опускается в него.

– Говнюк Артур, – бормочет, уставившись перед собой. – Мало того что бросил тебя одну в Нью-Йорке, так еще и проблем подкинул. Ну тогда я вижу лишь один способ решения проблемы: нужно позвонить в полицию.

– Кейн и об этом упомянул. Сказал, что я могу попробовать, чтобы оценить всю безвыходность своего положения. Думаю, он намекал, что имеет хорошие связи в полиции и меня не станут слушать. К тому же, что я им скажу? «Девять один один? Лучший друг моего брата на него разозлился и теперь хочет ему отомстить с помощью меня. Пожалуйста, помогите?».

Кристин поверженно вздыхает и начинает массировать себе виски, словно стимулируя мыслительный процесс.

– Ну да. Особенно если ты назовешь имя Кейна. Вряд ли кто-то поверит, что новоиспеченный металлургический магнат станет заниматься похищением

людей.

Внезапно подруга оглушительно хлопает в ладоши и встает с кресла, словно выпущенная пружина.

– Слушай, Эрика! Ничего ведь еще не произошло, а ты так себя накрутила. К черту его угрозы. – Она решительно подходит ко мне и протягивает руку:

– Идем в бар неподалеку. Чем киснуть дома в ожидании неизвестного, пропустим по бокалу.

Даю себе всего секунду на раздумья и киваю. Разве есть смысл изводить себя тем, чего может и не произойти, а тем более покорно ждать обещанной кары дома? За неимением в Нью-Йорке родственников или знакомых, у которых я могла бы провести несколько дней, бар кажется не самым плохим местом.

Переодевшись в джинсы и мягкую клетчатую рубашку, залезаю в прикроватную тумбу и извлекаю оттуда часть оставшихся у меня сбережений: двести пятьдесят долларов мелкими купюрами. Запихиваю их в сумочку вместе с телефоном и выхожу в прихожую, где меня уже ожидает Кристин.

– Прости мою глупость, – находит мою ладонь, едва я подхожу к ней, и коротко сжимает. – Я понятия не имела, что все выйдет так.

– Ты не знала, – пожимаю плечами, стараясь не поддаваться очередному приступу паники. – Никто не знал.

В баре, в который мы приходим, громко играет музыка, а возле стойки активно толпится народ. В любой другой момент я бы попросила Кристин сменить место, но сегодня такая оживленность действует на меня успокаивающе. Это заведение словно напоминает мне, что я все еще живу в цивилизованном мире, где право на свободу охраняется законом. Да и вряд ли найдется отчаянный, который станет похищать меня на глазах всех этих людей.

– За то, чтобы произошедшее сегодня было лишь дурной шуткой, – подняв бокал, Кристин смотрит на меня с ободряющей улыбкой.

Пригубив золотистую жидкость, прикрываю глаза, позволяя ванильно-мускатному вкусу растечься по телу и одарить меня желанным спокойствием.

– Как он выглядит? – спрашивает Кристин, моментально лишая меня намека на комфорт. – Судя по фотографиям в интернете, жизнь Кейна не трепала, а, наоборот, гладила по голове. Хотя, возможно, эти снимки – заслуга умелого фотографа и фунтов фотошопа.

Быстро подношу стекло бокала к губам и делаю большой глоток, чтобы притушить воспоминания о холодном изучающем взгляде, мощи высокой фигуры под безукоризненным костюмом и сильных пальцах, сжимающих мои плечи.

– Выглядит он прекрасно. Словно продал душу дьяволу.

Несколько секунд подруга изучает мое лицо и тихо спрашивает:

– Ты все еще что-то чувствуешь к нему?

От абсурдности этого вопроса вино едва не выходит из меня носом.

– Что за чушь, Крис? Мне уже не восемнадцать, чтобы сохнуть по другу брата. И ты прекрасно знаешь, что в университете я встречалась с парнями.

– Вот только ни с кем из них ты не осталась, – многозначительно изрекает подруга и поднимает пустой бокал вверх, обозначая проходящему официанту повторить.

– Это лишь потому, что я еще не встретила нужного человека, не более. Не все находят любовь всей жизни к двадцати трем годам.

Кристин ничего не отвечает мне и переводит разговор на тему своего очередного ухажера, с которым она познакомилась в баре «Эвердин» в прошлый понедельник. Его зовут Крис, ему двадцать шесть, холост, имеет собственное жилье в Бруклине, водит бизнес-седан Тойота и вчера пригласил ее на повторное свидание.

– Смотри-ка, а вон еще один неплохой экземпляр, – она указывает на вход в бар, в дверях которого появляется плечистый мужчина в добротном костюме. – Приятное разнообразие от местных хипстеров с подкатанными брючинами.

Подруга несколько раз встряхивает волосами, поправляя укладку, и, взяв в руку бокал на манер позирующей инстаграм-модели, начинает призывно улыбаться.

– Идет к нам, – мурлычет сквозь зубы, не переставая улыбаться. – Определенно, заинтересован.

Я прослеживаю глазами уверенную поступь мужчины и сосредоточенное выражение его лица, и панический озноб покалыванием разносится по телу. Он совсем не похож на человека, зашедшего в бар пофлиртовать и расслабиться после трудового дня. Он напоминает робота, идущего на задание, которое собирается выполнить во что бы то ни стало.

Кристин явно посещает та же догадка, потому что улыбка на ее лице вянет и исчезает насовсем, когда мужчина нависает над нашим столом, прицельно устремляя глаза на меня:

– Мисс Соулман, у меня есть распоряжение отвезти вас в резиденцию мистера Колдфилда. Прошу, пройдемте со мной.

Его голос не звучит зло или агрессивно, наоборот, его тон подчеркнуто вежлив, как и у девушки с ресепшена «КейКей Индастрис», однако это не мешает мне машинально вжаться в сиденье. Значит, это правда. Меня переместят в дом Кейна, как вещь.

– Я не пойду, – говорю дрожащим голосом и стискиваю подлокотники, готовясь к сопротивлению. – Нельзя забирать человека насильно.

– Мисс Соулман, – терпеливо произносит мужчина, – я заберу вас отсюда так или иначе, поэтому не рекомендую усложнять этот процесс.

– Эй ты, громила, – подает голос подруга, и по скачущим нотам в нем я понимаю, что она достаточно себя накрутила, чтобы устроить публичный скандал. – Если ты сейчас же не свалишь отсюда, я заору так, что у тебя и окружающих

барабанные перепонки лопнут, и через минуту здесь будет толпа полицейских.

Мужчина отрывает замороженный взгляд от меня и, изучив лицо Кристин, напоминающей разъяренную фурию, слегка поворачивает голову и делает короткий кивок. В тот же момент из толпы посетителей отделяются два крепких парня в одинаковых черных футболках и темных джинсах и встают за его спиной, демонстрируя, что при необходимости к нам будет применена сила.

– Вам ничего не угрожает, мисс Соулман, – спокойно продолжает мужчина, очевидно убедившись, что его намек понят. – Я лишь довезу вас до дома мистера Колдфилда и помогу вам устроиться.

Я беспомощно смотрю на притихшую Кристин, которая явно находится под впечатлением от могучего трио, оглядываю застывшие лица парней, словно высеченные из камня, и поднимаюсь на размякшие ноги. Ко мне вдруг приходит осознание, что, что бы я ни сделала сейчас, меня все равно заберут. Ведь помощник Кейна как-то вышел на Кристин, а эти мужчины нашли меня в баре.

– Пойдемте, – я стараюсь говорить с достоинством и не позволять конвою увидеть испуг и отчаяние на моем лице. Перевожу взгляд на застывшую Кристин и вымучиваю улыбку:

– Я с тобой свяжусь чуть позже. Не волнуйся за меня.

С глазами, полными сочувствия, подруга кивает, и я успеваю прочесть по ее губам «Прости».

Мужчина в костюме тем временем деликатно, но крепко берет меня под локоть и увлекает к выходу.

– Мне нужно заехать домой за вещами. Я ничего с собой не взяла.

– Не беспокойтесь, мисс Соулман. Ваша сумка уже у меня в машине. Я собрал только самое необходимое, а остальное у вас появится завтра.

У меня даже не остается сил, чтобы возмутиться тому факту, что незнакомый человек рылся в моих вещах. Кажется, я попала в какой-то другой параллельный

мир, где у меня совсем нет прав.

7

В салоне огромного черного седана царит комфортная для летнего зноя температура, но, несмотря на это, кожу продирает неуютный озноб, и мне приходится обхватить себя руками, чтобы его унять.

– Вам холодно, мисс Соулман? – встречаю пристальный взгляд моего провожатого в зеркале заднего вида и отрицательно машу головой. Но мужчина, очевидно, мне не поверил, потому что через секунду на покрытые гусиной кожей предплечья и грудь начинает дуть теплый воздух.

– Прошу прощения, что не представился. Я Прайд.

Молча киваю, потому что понятия не имею, что сказать на это в ответ: мое имя он и так знает, а лгать о том, что мне приятно наше знакомство, не имеет смысла.

– Я еду с вами лишь потому, что Кейн... мистер Колдфилд угрожает моему брату расправой в случае отказа, – говорю тихо.

– Не нужно бояться, мисс Соулман, – спокойно произносит мужчина. – Вам не причинят вреда.

С тем же успехом можно успокаивать родственника умирающего от рака фразой: «Все будет хорошо». Я ведь не имею ни малейшего представления о том, жив ли мой брат и что ждет меня в будущем.

– Прайд, я могу позвонить?

– Разумеется, вы можете, – немного удивленно произносит мужчина, глядя на меня в зеркало, словно искренне недоумевает, как я вообще могла подумать, что ему придет в голову мне это запретить.

Я извлекаю из сумки телефон и, найдя номер Артура, тычу пальцем в зеленую иконку. Почему Кейн сказал, что брат прячется от него в Вайоминге, а не в Лос-Анджелесе? Какой смысл Артуру лгать о своем местонахождении мне, родной сестре?

Кусаю губу, мысленно умоляя брата взять трубку, но вновь натываюсь на электронный голос автоответчика. Поверженно роняю телефон на колени, собираясь вернуть его в сумку, и в этот момент слышу звук приближающейся полицейской сирены.

С колотящимся сердцем опускаю глаза в свой мобильный и замечаю значок входящего сообщения от Кристин:

«Я вызвала копов. Сказала, что мою подругу увезли в большом черном БМВ. Держись»

Одновременное чувство страха и воскресшей надежды окутывает меня, заставляя кровь циркулировать быстрее. Вдруг меня сейчас освободят и помогут найти брата? Вдруг есть шанс, что этому нелепому сну придет конец?

Прайд не предпринимает попытки отрываться от погони: несколько секунд изучает мерцающие огни проблесковых маячков в боковом зеркале, после чего тяжелый автомобиль начинает постепенно снижать скорость и прижимается к обочине. Полицейская машина останавливается следом за нами, и через пару секунд я слышу хлопки открывающихся дверей.

- Оставайтесь на месте, мисс Соулман, - произносит Прайд тихо, но твердо и, толкнув дверь, покидает салон.

Я сжимаю вспотевшие ладони, глядя, как он подходит к двум мужчинам в полицейской форме и начинает с ними переговариваться. В его позе совсем нет нервозности, словно максимум, что может ему грозить - это штраф за превышение скорости. Один из полицейских указывает на автомобиль с явным намерением его осмотреть, но Прайд, отрицательно мотнув головой, лезет во внутренний карман пиджака и извлекает оттуда темный прямоугольник, по виду напоминающий удостоверение. Полицейский несколько секунд изучает его, и его лицо становится заметно напряженнее, после чего окликает коллегу, который хотел осмотреть салон, и они вдвоем направляются к своей машине. И

только когда я слышу хлопки закрывающихся дверей, понимаю, что моя надежда очнуться от этого дурного сна распалась в труху. Кейн и здесь не обманул. Полиция мне не помогла.

Прайд возвращается за руль и осведомляется ровным голосом:

– Вы согрелись, мисс Соулман? Я могу достать из багажника плед.

– Спасибо, не нужно, – мой голос от напряжения звучит хрипло. Расслабляю ладонь с зажатым в ней телефоном и быстро набиваю неутешительный ответ Кристин:

«Полицейские не помогли. Буду на связи»

Дом, в который мы приехали, впечатляет даже несмотря на мое сомнамбулическое состояние. Наверное, оттого, что я представляла на его месте что-то в стиле технологичного хай-тек или модного геометрического минимализма, а не внушительный особняк в классическом английском стиле с серой мансардной крышей, белыми стенами и резными металлическими балконами. Хотя, в конце концов, какое имеет значение, в каком архитектурном стиле выполнена моя тюрьма?

Прайд паркует автомобиль рядом с квадратным гаражом на прилегающей к дому территории и, вытащив из багажника мою сумку, услужливо помогает выйти из машины.

– Пройдемте, мисс Соулман, – кивает в сторону ровной дорожки, вымощенной прямоугольными плитами, и мне ничего не остается, как последовать за ним.

– Я покажу вашу комнату, а с экскурсией придется немного повременить, – говорит мужчина, пропуская меня внутрь дома. Царственная прихожая с белыми стенами и массивной извитой люстрой, свисающей с потолка, сверкающие глянецом полы с орнаментом в виде полукруга по центру, максимум света и

пространства. В голову приходит мысль, что этот интерьер идеально гармонирует с Кейном, одетым в костюм: классическая роскошь, от которой веет холодом. – Мистер Колдфилд сказал, что скоро будет дома, в течение часа.

Мы поднимаемся по внушительной мраморной лестнице и оказываемся в длинном коридоре с темными рамами дверей на стенах.

– Ваша спальня последняя справа, – сообщает Прайд, которого, кажется, ничуть не смущает его односторонний монолог. Он толкает увесистую коричневую дверь с украшением в виде бронзовой ручки и деликатным кивком головы показывает мне войти.

Комната, открывшаяся моему взору, роскошна, но также не выглядит живой или уютной. Она больше напоминает страницу, выдранную из дизайнерского каталога, чем настоящую спальню: широкая кровать, накрытая атласным покрывалом, полированные прикроватные тумбы со стоящими на них светильниками, огромные окна с видом на зеленеющий сад и черный прямоугольник плазменного телевизора на стене.

– Гардеробная здесь, – Прайд указывает на встроенные в стену полированные створки. – А это ванная.

Я машинально прослеживаю направление его взгляда, указывающего на дверь справа от кровати, и киваю в знак того, что поняла. Несмотря на то, что этот мужчина привез меня сюда против моей воли, я вдруг понимаю, что не испытываю к нему неприязни. Он просто делает свою работу, ничем меня не унижая, и за это я ему признательна.

– Спасибо, Прайд, – одаряю его слабой улыбкой. – Думаю, дальше я сама разберусь.

Мужчина ставит мою сумку на край приютившейся в углу кушетки и, беззвучно прикрыв дверь, исчезает в коридоре. Оставшись одна, еще раз окидываю взглядом свою дизайнерскую клеть и забираюсь на кровать, чувствуя, как меня накрывают смирение и апатия, словно холодный интерьер этого дома напитал меня своим равнодушием. Достая из сумки телефон и открываю сообщение Кристин:

«Как ты?»

«В норме. В мое распоряжение предоставлена личная клетка, и она выглядит на пять звезд»

«Тюрьма от кутюр. Уже неплохо. Ты видела Кейна?»

«Мой гид сказал, что он появится в течение часа»

«Пошли говнюка к черту. Запрись в своей комнате и никого к себе не впускай»

Я невольно усмехаюсь, представляя, как подпираю тумбочкой дверь и как Прайд пытается ее выломать.

«Может быть, так и сделаю»

«Слушай, это ведь Кейн, который знал тебя еще подростком. Как бы он ни был зол на твоего брата, вряд ли он станет делать с тобой что-то ужасное»

Я вспоминаю небрежные слова Кейна: «Буду трахать тебя, пока ты мне не надоешь» и чувствую, как озноб снова сочится под кожу. Нет, этому мужчине явно плевать на наше давнее знакомство.

«Не волнуйся за меня. Вряд ли Кейн станет пачкать свою дорогую мебель в попытке меня расчленивать. Напишу тебе позже»

Рука с зажатым телефоном безжизненно опадает на покрывало, и сама я с шумным вздохом сползаю головой на подушки. Разглядываю идеально белый потолок в обрамлении лепного бордюра и чувствую, как тяжелеют веки. Закрываю глаза и сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Я просыпаюсь от негромкого, но настойчивого стука в дверь. Поднявшись на локтях, вижу в образовавшемся зазоре высокую фигуру Прайда.

– Прошу прощения, что разбудил, мисс Соулман. Мистер Колдфилд дома и просит вас спуститься вниз к ужину.

Последняя фраза отдается в груди горькой усмешкой: Кейн попросил? Вряд ли такое возможно.

– Скажите мистеру Колдфилду, что я не голодна, – бормочу, кутаясь в покрывало, как если бы холодная ткань могла защитить меня от реальности. По нахмурившимся бровям Прайда вижу, что его такой ответ не устраивает, что подтверждают его следующие слова:

– Мистер Колдфилд очень хочет вас видеть.

Поняв, что если я не соглашусь, то Прайд найдет иной способ доставить меня в гостиную, опускаю ноги с кровати и сухо произношу:

– Передайте мистеру Колдфилду, что он может начинать ужинать без меня. Я скоро спущусь.

Прайд секунду изучает меня глазами, после чего коротко кивает и закрывает за собой дверь. Стягиваю с себя рубашку, прилипшую к спине от пота, и плетусь к двери, которая была обозначена как ванная. Разобравшись с диковинными смесителями, включаю воду в душевой и быстро намыливаю тело ароматной пеной из прикрепленного к стене металлического диспенсера. Голову решаю не мыть, потому что не уверена, что найду фен, да и вообще не хочу, чтобы Кейн думал, что я как-то готовлюсь к встрече с ним. Обнаружив на полках пушистые полотенца с вышитой монограммой «КейКей», зло фыркаю и начинаю быстро растирать ими тело. Влажную рубашку сменяю на мягкую хлопковую толстовку, которую нашла в своей сумке, натягиваю джинсы и, сделав несколько глубоких вдохов, чтобы прессом кислорода погасить поднявшееся волнение, выхожу за дверь.

– Кухня слева от вас, мисс Соулман, – слышу голос Прайда, едва моя нога покидает последнюю ступеньку. Пробормотав «спасибо», шагаю в указанном направлении и оказываюсь в помещении, больше напоминающем банкетный зал, где за сервированным в лучших ресторанных традициях обеденным столом восседает хозяин дома, одетый в белую рубашку, расстегнутую на две пуговицы. Судя по пустующей тарелке и нетронутому стакану с минеральной водой, к ужину он не приступал.

– Ты долго, – голос Кейна пронизан недовольством, когда он рассматривает меня из-под расслабленных век.

Шантажом заставил меня приехать к нему домой и выглядит раздраженным оттого, что я задерживаю его трапезу.

– Не обязательно было меня ждать, – парирую холодно и с нарочито громким скрежетом отодвигаю стул. – Я все равно не собираюсь есть.

Едва я приземляюсь на стул, на кухне появляется худощавый мужчина в синей рубашке и брюках и, подойдя к столу, начинает бесшумно раскладывать еду по тарелкам: кажется, это ягненок с овощами. По очереди наполнив сначала тарелку Кейна, а затем мою, также беззвучно покидает кухню.

Кейн берет в руку вилку и, глядя на меня, откинувшись на спинку стула в немом протесте, негромко цедит:

– Ешь.

– Я сказала, что не хочу, – говорю твердо и заставляю себя встретиться с ним глазами. – Где мой брат? Он не выходит на связь.

– Если ты полагаешь, что я буду терпеть твои истерики и попытки объявить голодовку, ты сильно ошибаешься, – холодно произносит Кейн, неспешно отрезая кусок мяса ножом.

– А чего ты ожидал? Что шантажом заставишь меня приехать к тебе домой и получишь покладистую наложницу? Будешь наказывать меня розгами за непослушание?

– Это лишнее. Попробуешь вставать в позу, через день вернешься в свою конуру и займешься организацией похорон брата. Уясни одно: то, что ты здесь – это скорее услуга с моей стороны. Альтернативный способ решения проблемы. И всего этого бы не было, явись твой брат ко мне сам и верни он то, что у меня забрал.

От этой демонстрации превосходства и напоминания о моей собственной беспомощности мой голос трескается.

- Артур знает, что я здесь?

- Он, как минимум, догадывается.

- То есть ты держишь меня у себя до тех пор, пока он не вернет то, что он тебе должен?

- Кажется, я уже пояснил тебе, что ты останешься у меня до тех пор, пока мне будет этого хотеться. Не нужно воспринимать мои слова как шутку, Эрика.

Встречаю его тяжелый взгляд на своем лице и чувствую, как по телу разносится нервное покалывание от незавуалированного намека в этой фразе. Так Кейн подчеркивает, что намерен привести все свои обещания в силу.

- А теперь ешь, - он кивает в мою наполненную тарелку и делает неуловимый жест рукой, после которого на кухне вновь появляется тот самый мужчина с бутылкой вина. Насильно заставляя себя пережевывать кусок ягненка, наблюдаю, как стоящий рядом со мной высокий бокал на два пальца наполняется рубиновой жидкостью.

- Выпей, - слышу насмешливый голос. - Надеюсь, вино по-прежнему действует на тебя расслабляюще.

8

Наш молчаливый ужин то и дело прерывается звонками мобильного Кейна. Судя по обрывкам фраз, разговор касается его бизнеса, поэтому спустя какое-то время я перестаю в них вслушиваться, предпочитая налегать на вино и украдкой поглядывать на своего тюремщика. Лицо Кейна жесткое и бесстрастное, когда он коротко отдает распоряжения в трубку, и я с горькой усмешкой вспоминаю, как, лежа в своей юношеской кровати, мечтала о том, что однажды он меня полюбит. Святая наивность. Монстр, сидящий передо мной, не способен любить.

От вина щеки начинают гореть, и мышцы, скованные многочасовым напряжением, постепенно расслабляются. Воспользовавшись отвлеченностью Кейна, откидываюсь на спинку стула с бокалом в руке и изучаю интерьер кухни: серые подвесные шкафы, без единого намека на то, что ими когда-либо пользовались, сияющую плиту, похожую на пульт управления космического корабля, и массивную барную стойку. Интересно, тот мужчина, который раскладывал еду, сам ее готовил? И сколько вообще у Кейна наемного персонала в доме? Пока я насчитала троих: Прайд, предположительный повар и домработница, о которой он упоминал при разговоре в его кабинете.

– Как ты предохраняешься? – слышу требовательный вопрос через весь стол. От неожиданности я замираю с бокалом в руке, чувствуя, как и без того порозовевшее лицо сильнее заливается краской. Погрузившись в размышления, я не заметила, как Кейн закончил разговор, и что все его внимание сосредоточено на мне.

И я совсем не хочу отвечать на этот вопрос, но взгляд Кейна настойчиво пробуравливает дыру в моей молчаливой обороне, буквально силой вытаскивая из меня слова.

– Таблетки, – запиваю свой слабovolный ответ длинным глотком вина.

– Подойди ко мне, – ладони Кейна покоятся на столе, а сам он смотрит на меня в упор, словно снайпер, держащий под прицелом. – И выпусти уже бокал из рук.

– Зачем? – хриплю и сильнее сжимаю гладкую ножку, как если бы могла вместить в нее поднявшуюся нервозность.

– Твои вопросы ни к чему не приведут. Просто встань со стула и подойди.

Поколебавшись секунду, я выпускаю из рук тепло хрустала и, поднявшись, нетвердо шагаю вдоль обеденного стола к стулу Кейна. Он не отводит от меня взгляд ни на секунду, словно знает, что, если снимет с меня путы своего пристального внимания, я сбегу.

Останавливаюсь на расстоянии вытянутой руки от него и замираю, вонзив пальцы ног в пол. Чувствую себя деревом, пытающимся пустить корни, чтобы не

погибнуть от грядущего урагана. Но ураган все же настигает меня, когда тяжелая ладонь Кейна ложится мне на бедро и рывком подтягивает к себе, так что я оказываюсь зажатой между его коленями.

Пламя его кожи на моей ноге оставляет ожог даже через ткань джинсов, и в попытке от него защититься я упираюсь ему в плечи.

- Не надо вырываться, - твердо говорит Кейн. - Сделаешь хуже.

Его рука перемещается с моего бедра на мою ягодицу и слегка сдавливает ее, пока лениво сощуренные глаза следят за моей реакцией. Я не дышу, продолжая удерживать руки на его плечах в слабой попытке отстраниться, и недоумеваю, почему его прикосновения не вызывают во мне отторжения или отвращения, ведь в сложившейся ситуации это естественная реакция.

- Расстегни джинсы.

От абсурдности такого предложения кровь начинает шуметь в ушах. Ни за что я не стану раздеваться сама. Отрицательно мотнув головой, предпринимаю попытку отшагнуть назад, но Кейн мгновенно фиксирует мои бедра на месте и, сдавив рукой пояс моих джинсов, дергает к себе, так что я едва не падаю.

- Услуги гардеробщика только на этот раз, - замечает как бы между прочим, пока разделяется с тугой пуговицей. - В следующий раз срежу их с тебя ножницами.

С этими словами дергает джинсы до колен, словно раздевает капризного ребенка, и безапелляционно распоряжается:

- Снимай.

Закусываю губу и, потянув толстовку вниз, чтобы прикрыть оголившиеся бедра, вышагиваю из джинсов. Мое состояние удивляет меня: я не испытываю потребности расплакаться и не чувствую подступающей истерики, как это было с утра. Наверное, алкогольный наркоз подействовал и помог мне смириться с вопиющей реальностью.

Как только я избавляюсь от джинсов, Кейн встает и, подхватив меня под ягодицы, усаживает на край стола. От неожиданности я хватаюсь за его шею, ударяясь носом в покрытую рубашкой ключицу, и против воли вдыхаю запах дорогого мускусного парфюма и кожи. До того, как успеваю подумать, почему в животе теплеет, Кейн подцепляет резинку моих скромных хлопковых шорт и, сжав в кулак, небрежно дергает их вниз. В его лице нет ни единой эмоции: ни похоти, ни страсти или агрессии, словно он выполняет заранее намеченный план.

- Ты всегда принуждаешь женщин спать с тобой? - хриплю, пытаюсь свести ноги.

- Не приходится, - спокойно откликается Кейн и, положив ладони мне на колени, резким движением уничтожает мою попытку прикрыться. - Обычно они сами стремятся попасть в мою спальню.

- Я не хочу тебя.

- Пока рано судить.

С этими словами он обхватывает мой затылок, заставляя посмотреть на себя, и как только наши глаза встречаются, толкает в мою раскрытую плоть два пальца. Из горла вырывается сдавленный вздох, и я непроизвольно сильнее сжимаю тугие плечи, пока Кейн с тем же бесстрастным выражением на лице извлекает их из меня, чтобы вогнать снова.

- Не слишком разгульная жизнь была у тебя в университете, судя по тому, что я чувствую, - медленно изучает мое искажившееся лицо.

С каждым новым движением внизу живота становится горячее, и оттого, что Кейн тоже это чувствует, я испытываю стыд. Разве нормально, что мне приятны его прикосновения? Как может мое тело так отзывчиво реагировать на него, несмотря на прошлое и мое заточение?

Внезапно толчки пальцев прекращаются, и, не дав мне опомниться, две руки снимают с меня толстовку и отбрасывают ее в сторону. Оставшись без последней защиты в своем небогатом арсенале, я съеживаюсь и машинально прикрываю грудь ладонями.

Рука Кейна ложится на мое горло и, слегка надавив, опрокидывает меня на стол. Ощущаю спиной холодное прикосновение металла: кажется, это вилка или нож. Слышится звук открываемой молнии, шелест фольги, и через секунду две нестерпимо горячие ладони дергают меня к краю стола.

– Будь громкой, – успеваю услышать, перед тем как вторжение тяжелой плоти обжигает лоно. Я вскрикиваю и распахиваю глаза, встречая потемневший взгляд Кейна. Он вдавливая пальцы мне в бедра и, выйдя целиком, упирается членом в мой вход и с тем же непроницаемым выражением лица врезается до упора.

Живот и внутренности тянет от суровости наполненности, и я со стоном скребу пальцами по столу и задеваю стоящий бокал, отчего тот со звоном разбивается. Следом за ним падает стакан минеральной воды, покрывая брызгами мое предплечье и запястье, но Кейна это не сильно беспокоит, потому что он продолжает методично вбиваться в меня, не переставая исследовать глазами.

– Не так уж я омерзителен, судя по тому, что ты течешь на мой член.

Мое возражение тонет в громком шлепке сталкивающейся плоти и собственном крике, потому что в этот момент Кейн дергает мои бедра на себя, одновременно толкаясь эрекцией навстречу. По телу прокатывается волна боли, граничащей со странным наслаждением, которое стремительно нагнетает пульсацию внизу живота. «Неправильно, – проносится в голове. – Неправильно это чувствовать». И словно в попытке меня окончательно растоптать, пальцы Кейна ложатся мне на клитор и начинают его массировать. Это касание мягкое, но настойчивое, и так контрастирует с твердостью, раздирающей меня изнутри, что эти совместные ощущения производят ошеломляющее действие на мое тело. Ноги начинают трястись мелкой дрожью, спина выгибается дугой, и я распадаюсь на части, со стоном выпуская свой оргазм на свободу.

Еще до того, как пульсация во мне стихает и я успеваю открыть глаза, руки Кейна переворачивают меня на живот, и его член вновь врывается внутрь коротким толчком. Положив ладонь мне на поясницу, он начинает быстро и резко вдавливаясь в меня, с силой сжимая ягодицы. Я стискиваю зубы, чтобы заглушить комок стонов, потому что хотя бы так хочу пойти наперекор его приказу быть громкой, но каждый новый толчок выбивает из меня новый крик, словно пыль из лежалой подушки.

Грудь начинает ныть от сурового трения о стол, и каждый шлепок соприкасающейся плоти отдается искрами боли в животе, и когда мне кажется, что больше вынести я не смогу, наполненность внутри меня исчезает. Слышится странный щелчок, и в ту же секунду я ощущаю тяжесть раскаленной эрекции между ягодиц. Руки Кейна сжимают их, и спустя несколько длинных толчков слышится глухой звук, похожий на стон. Вздрагивая, словно от ударов тока, я принимаю ожоги горячих брызг на спине и пояснице. А затем все стихает.

Я разлепляю веки, упираясь взглядом в упавшую бутылку с вином, рядом с горлышком которой растекается рубиновая лужа. Справа валяется разбитый стакан. Слышится звук закрывающейся молнии и короткое распоряжение:

– Не двигайся.

За ними следует стук шагов, звук включившейся воды, и через несколько мгновений я ощущаю прикосновение теплой влажной ткани к своей спине и к ягодицам.

До того как я сама предпринимаю попытку подняться, рука Кейна обхватывает в кольцо мой живот и ставит на ноги. Мои икрыходят на некрепкое желе, отчего меня слегка заносит, и мне приходится ухватиться за стол. Кейн что-то тихо говорит себе под нос, после чего его ладони вновь смыкаются на моей талии и сажают на свой стул.

На несколько секунд он исчезает и возвращается с пледом в руках, который набрасывает мне на плечи. Не в силах поднять глаза и пошевелиться после произошедшего, я разглядываю ладони, торчащие из-под мягкой ткани.

– Зачем я тебе? – шепчу.

– Если уж ты на неопределенное время останешься в моем доме, не вижу смысла расходовать его впустую, – доносится ровный голос Кейна сверху. – Пять минут назад ты сжимала мой член и совсем не жаловалась. Можешь идти?

Решив не отвечать, плотнее укутываюсь в плед и поднимаюсь. Мне необходимо поскорее оказаться в спасительном уединении, подальше от его подавляющей энергии и запаха. И даже новая комната для этой цели не так плоха.

– Завтра у тебя намечено несколько дел, – слышу уже у лестницы. – Прайд тебе обо всем расскажет.

9

Когда утром я обнаруживаю себя в незнакомой постели, проходят долгие секунды, прежде чем реальность наваливается на меня своей неподъемной тяжестью. Низ живота слегка тянет, во рту сухо от выпитого вина, а душу царапает ощущение того, что я осталась одна против целого мира. Воспроизвожу в голове события вчерашнего вечера и чувствую, как по лицу и груди растекается жар. То, что произошло – постыдно и унижительно, и я не понимаю, как получилось так, что я с легкостью достигла оргазма. Почему растаяла, как свечной воск, в руках мужчины, который принудил меня к сексу, удерживая возле себя шантажом, ведь это веский повод его ненавидеть.

Нащупав на подушке телефон, вновь набираю номер, с которого мне звонил Артур, но результат по-прежнему остается неутешительным: абонент находится вне зоны доступа. Если знать, что с братом все в порядке, мне было бы проще смириться со своей несвободой. Так я бы, по крайней мере, понимала, что все не зря.

Поднявшись с кровати, иду в душ, где старательно смываю с себя следы минувшей ночи – вчера у меня совсем не было на это сил. Оглядываю в зеркале свое тело, перед тем как завернуться в полотенце, и замечаю на бедрах и ягодицах темные пятна – отпечатки пальцев Кейна, отчего живот стягивает горячий спазм. Да что, черт подери, со мной не так? Я должна презирать этого человека, а не испытывать волнение при мысли о нем.

Порывшись в тумбе под раковиной, я все же нахожу фен и, высушив голову, возвращаюсь в спальню. В сумке, собранной Прайдом, обнаруживаются черные льняные шорты и футболка, и я вдруг вспоминаю, что мое нижнее белье и толстовка так и остались валяться на полу кухни. И как мне спуститься вниз? Кто-то из персонала наверняка их нашел, и одному богу известно, что эти люди теперь обо мне думают. В нерешительности застыв посреди комнаты, гипнотизирую глазами дверь и начинаю пятиться назад, до тех пор, пока икры не упрутся в изножье кровати. Сгребаю с покрывала телефон, чтобы вновь

попробовать дозвониться до Артура, и вижу сообщение от Кристин:

«Как спалось в пятизвездочной клетке?»

Решаю не мучить себя перепиской и перезваниваю ей. Этого мне еще не запретили.

– Твои пальцы явно целы, если ты звонишь мне, а это уже хороший знак, – слышу шуточный голос подруги, который быстро меняется на серьезный. – Как ты, Эрика?

Рассеянно блуждаю взглядом по идеально ровной поверхности стены и тихо вздыхаю:

– В порядке.

– Ты так не звучишь. Видела Кейна? Он сказал, чего хочет от тебя?

Я молчу, кусая щеку изнутри, потому что не знаю, стоит ли рассказывать подруге об условиях, на которых я попала в логово дьявола, но в конце концов решаюсь:

– Он хочет, чтобы я спала с ним. Вчера это случилось.

– Ни хрена себе, черт подери! – раздается высокий визг в трубке, от которого я невольно морщусь. – Ты переспала с Кейном?! Исполнила мою девичью мечту! Да что там мою... Кто в Нью-Олбани не хотел с ним трахнуться? Думаю, даже Анжела была не против, хотя она и равнодушна к членам. И как он?

О том, что пять лет назад Кейн стал моим первым, я не говорила ни одной живой душе, даже своим лучшим подругам. Не потому что я им не доверяла, а потому что не хотела подвергаться расспросам и вспоминать об унижении, последовавшем за самыми памятными моментами моей жизни.

– Что тебя интересует? – бормочу, ощущая, как уши вновь начинают гореть. – Он взял меня против моей воли. Вряд ли здесь есть что обсуждать.

- Он сделал тебе больно? - осторожно уточняет Кристин. - Удерживал тебя силой?

- Нет. Он ведь угрожает моему брату... я просто делала, как он сказал, потому что...

- Ты кончила? - живо перебивает подруга, и в ее голосе звенит неподдельное любопытство.

- Какое отношение мой оргазм имеет к делу?

- Самое прямое. Кейн до сих пор тебе нравится. Не знаю, хорошо это или плохо, но в сложившейся ситуации твое небезразличие скорее плюс. Спать с тем, кто тебе отвратителен... нет ничего хуже.

- Он должен быть мне отвратителен. Я хочу его презирать.

- Ну а раз этого не произошло, значит, что-то говнюк сделал правильно, - со смехом заключает подруга, отчего губы сами растягиваются в не приличествующей случаю улыбке. Кристин со своим неутомимым оптимизмом и практичным подходом к жизни кого угодно может развеселить.

До того как я успеваю ей ответить, раздается деликатный, но настойчивый стук в дверь.

- Я перезвоню, - быстро говорю в трубку и, не дав Кристин возможности попрощаться, сбрасываю вызов.

Дойдя до двери, обнаруживаю на пороге Прайда, как и вчера одетого в строгий костюм.

- Доброе утро, мисс Соулман. Рад, что вы уже проснулись. Я пришел сообщить, что завтрак готов.

- Я не голодна, - стискиваю дверную ручку при мысли о том, что я вновь сяду за тот самый стол. Ни за что больше не зайду на эту кухню.

– У меня есть распоряжение от мистера Кейна отвезти вас в клинику.

– В какую клинику?

– Плановый осмотр, – не роняя застывшей вежливости с лица, сообщает мужчина. – Ничего сверхъестественного или опасного.

– А что, если я не поеду?

– Вы создадите для меня трудности.

Вздыхнув, я в течение секунды изучаю перламутровую пуговицу на рубашке Прайда и согласно киваю.

– Только возьму сумку.

Судя по представительному фасаду из белого камня и внушительной вывеске, Harrisons Medical Centre – клиника, которую я вряд ли смогла бы себе когда-нибудь позволить. Это подтверждают значки именитых автомобильных ателье, красующиеся на капотах припаркованных автомобилей, и царственный интерьер вестибюля.

– Мне назначено на десять, – стараясь не звучать смущенной, сообщаю миловидной блондинке на ресепшене. – Эрика Соулман.

Одарив меня благожелательной улыбкой, девушка начинает активно щелкать по лежащей перед ней клавиатуре, после чего выходит из-за стойки.

– Проходите, – взмахом руки указывает в пространство залитого светом коридора. – Доктор Шульман ждет вас.

Доктор Шульман, приятная женщина лет пятидесяти, устраивает мне настоящий допрос с пристрастием, словно беседует меня на службу в войска специального назначения. Ее интересуется, есть ли у меня аллергия, перенесенные операции и название контрацептивов, которые я использую.

– Сейчас мы пройдем в смотровую, – ласково воркует доктор Шульман, поднимаясь со своего белоснежного кресла, – я возьму у вас мазок, а затем вам предстоит сдать кровь в лаборатории.

– Я посещала врача чуть больше месяца назад. У меня все было в порядке, – пытаюсь возразить.

– Повторные анализы еще никому не вредили.

Говоря это, женщина улыбается, но для меня ее слова равносильны пинку в грудь. Я чувствую себя лошадью, зубы которой осматривает потенциальный покупатель. Очевидно, Кейн хочет убедиться в отсутствии у меня венерических заболеваний, и это унижительно. Словно я какая-то шлюха, которую он подобрал на улице и которую нужно отмыть.

Я не произношу ни слова, пока доктор Шульман проводит гинекологический осмотр, и когда круглолицая медсестра заполняет моей венозной кровью с десяток пробирок. Именно сейчас, а не после случая на кухонном столе, я чувствую себя настолько беспомощной и униженной, что с трудом подавляю слезы.

– Результаты будут готовы в течение пары часов, мисс Соулман. Также я хотела предложить заменить таблетки на уколы. Дело в том...

– Мне не нужны никакие уколы, – грубо обрываю ее. – Таблетки вполне меня устраивают.

Женщина пару мгновений изучает мое хмурое лицо и с понимающей улыбкой заключает:

– Как вам будет угодно. На ресепшене вам выдадут бланк с логином и паролем от личного кабинета, в котором вы сможете проверить результаты анализов.

– Мне это не нужно, – обрываю ее. – Я ничем не больна. Могу я, наконец, уйти?

– Конечно, – сдержанно кивает женщина и, повернувшись, сгребает со стола пластиковую визитку с серебристым тиснением. – Если вас что-то будет

беспокоить или понадобится моя консультация – звоните в любое время.

Кивнув, запихиваю карточку в карман шорт, мысленно обещая избавиться от нее, как только покину клинику, и выхожу за дверь.

– Как все прошло, мисс Соулман? – интересуется Прайд, который, как оказалось, все это время ждал меня, сидя на диване в приемной.

– В порядке, – не глядя на него, шагаю к выходу. – Куда мы теперь? Шлепнуть клеймо «Годна»?

Прайд игнорирует мой сарказм, не выпуская меня из зоны своего молчаливого сопровождения, и только когда мы подходим к припаркованной БМВ, он негромко сообщает:

– Нас ждут в бутике на Пятой Авеню. Мистер Колдфилд хотел, чтобы вы выбрали себе платье.

Я молча опускаюсь на кожаное сиденье и, забившись в противоположный угол, прижимаюсь лбом к стеклу. Кто я теперь? Золушка? И для чего Кейну понадобилось наряжать меня в платье? Может, он хочет выставить меня на аукцион, где свихнувшиеся от денег и власти богатеи могут покупать людей? Сейчас я бы даже этому не удивилась.

– Для чего мне платье?

– К сожалению, мистер Колдфилд не посвящает меня в свои планы. Могу лишь предположить, что вы вместе пойдете на какое-то мероприятие.

Мое внимание отвлекает вибрация, раздражающая бедро через подклад сумки. Пошарив рукой, извлекаю жужжащий телефон и чувствую, как сердце ускоряет ритм вдвое. На экране мигает номер Артура.

Сжимая гудящий телефон в руке, встречаю вопросительный взгляд Прайда, который, очевидно, недоумевает, почему я не беру трубку.

– Вы можете поговорить в машине, мисс Соулман, – правильно оценив мою нерешительность, произносит он. – Я подожду вас снаружи.

Киваю в знак признательности и торопливо ныряю в салон, одновременно принимая вызов.

– Артур! Ты... с тобой все в порядке?

Динамик оглашается родным голосом, при звуке которого облегчение мгновенно топит меня в своих водах и на глазах выступают слезы

– Привет, сестренка. Прости, что пропал... Нужно было решить несколько неотложных проблем. Как у тебя дела?

Как у меня дела? Нет такого слова, которое могло бы описать то, что произошло с моей жизнью буквально за сутки.

– Артур... у тебя возникли разногласия с Кейном? Поэтому ты уехал?

Повисает тягостное молчание, которое прерывается утяжелившимся дыханием на том конце провода. Я сжимаю телефон сильнее, отчаянно желая, чтобы брат опроверг мои слова. Словно смотрю старый фильм на повторе, и хотя знаю, что хэппи-энда не случится, все равно продолжаю надеяться. Что это: неискоренимый оптимизм или человеческая глупость? Хотя какая, впрочем, разница?

– Это он тебе сказал? – немного резко уточняет Артур.

– Да, он.

– Не слушай всю ту чушь, что люди будут говорить тебе обо мне, хорошо, сестренка? Хорошо бы тебе ненадолго вернуться домой. Скоро все утрясется, и тогда я приеду за тобой...

Я чувствую, как ладони начинают холодеть, а под мышками неприятно колет. До меня не сразу доходит смысл услышанного, но одно я понимаю точно: дела обстоят еще хуже, чем я предполагала.

– О каких людях идет речь, Артур? – я пытаюсь не звучать истерично, но вопросы выстреливают из меня, подстегиваемые отчаянием и паникой. – Кому понадобится говорить о тебе плохо? Что происходит?

– Эй, сестренка, успокойся. У меня всего лишь возникли небольшие сложности в бизнесе, которые мне необходимо решить. Я бы не хотел, чтобы на это время ты находилась одна в Нью-Йорке. Я понятия не имел, что так выйдет. Поэтому лучше вернись домой. Я пришлю тебе денег на первое время.

– Я не могу никуда уехать, – говорю тихо и отчего-то в этот момент чувствую укол вины. – Кейн перевез меня к себе... Сказал, что ты что-то забрал у него, и я останусь у него вроде залога. Сказал, что, если я буду сопротивляться, ты пострадаешь.

В трубке слышится какой-то треск, сопровождаемый грязной бранью.

– Ублюдок... – зло рычит брат. – Всегда таким был. Не гнушается ничем, чтобы отомстить мне. Никогда не думал, что Кейн падет так низко.

– Артур... если ты что-то забрал у него... просто верни, и я уверена, что он меня отпустит.

– Он обижает тебя? – звучит быстрый вопрос, но я бы и под дулом пистолета не призналась брату, на каких постыдных условиях Кейн держит меня у себя.

– Нет, он не обижает меня.

Слышится облегченный вздох, и голос Артура звучит бодрее:

– Сестренка, не доверяй ему. Знаю, мы с Кейном долгое время были друзьями, но жизнь расставляет все по местам... Он нехороший человек... Ты знала, что еще в Индиане он избил своего отца до полусмерти? Не верь ни одному его слову обо мне. Он просто пытается настроить единственного близкого человека против

меня. Мы работали вместе, и я лишь взял то, что принадлежит мне по праву. Это все, что ты должна знать.

- Но что мне делать?

- Просто потерпи немного, сестренка. Я вернусь за тобой и заберу тебя домой.

Чувствуя, что разговор подходит к концу, я задаю вопрос, который не дает мне покоя с момента, как я встретила Кейна в его офисе:

- Артур... где ты сейчас?

- Я же говорил, сестренка. Я в Лос-Анджелесе.

- Кейн сказал, что ты в Вайоминге.

Повисает мертвая тишина, словно на телефонной линии произошел сбой связи.

- Артур, ты здесь?

- Ты сейчас одна? - голос брата звучит глухо.

- Одна. Я нахожусь в салоне автомобиля, а водитель Кейна ждет меня снаружи.

- Не говори ему о нашем разговоре, сестренка. И не доверяй ему. Никому не доверяй. Мне нужно идти. Я позвоню тебе в следующую среду в семь вечера. Постарайся в это время остаться одна.

- Артур! Пожалуйста, будь осторожен, - не знаю, услышал ли брат мою мольбу, потому что в трубке раздаются короткие гудки.

Несколько минут я сижу молча, совершенно забыв о Прайде, ожидающем снаружи. Наивно было полагать, что разговор с братом меня успокоит - он, напротив, вызвал во мне новую волну паники и шквал вопросов. Какие дела у Артура были с Кейном? Почему он настойчиво говорил не доверять никому, зная, что у меня нет знакомых в Нью-Йорке? Почему солгал мне о своем

местонахождении? Неужели он думает, что я когда-нибудь выдала бы его Кейну, попроси он об обратном? Для чего он рассказал мне об отце Кейна именно сейчас?

В глубине души проклевывается росток ядовитой мысли, что Артур не сказал, что примчится меня спасать. Кажется, после того, как я озвучила то, что Кейн меня не обижает, он испытал облегчение. Но, по крайней мере, я знаю, что с ним все в порядке.

- Мисс Соулман, - слышу легкое покашливание Прайда в приоткрывшийся зазор пассажирской двери. - Мы можем ехать?

- Да, да... - бормочу, спохватившись. - Простите, Прайд, я немного задумалась.

Беззвучно прикрыв дверь, мужчина обходит автомобиль и усаживается на водительское сиденье, и я ловлю в зеркале заднего вида его пристальный взгляд. Боясь, что он заметит в моем лице замешательство и сможет догадаться о звонке брата, быстро отвожу глаза и поворачиваюсь к окну. Несмотря на то, что родители рано ушли из жизни, я никогда не чувствовала себя одинокой и брошенной, но сейчас впервые чувствую себя именно так. Словно осталась совсем одна.

Когда Прайд подводит меня к огромному стеклянному входу, украшенному черными буквами «Dolce&Gabbana», я машинально застываю на месте и начинаю пятиться назад. Со времен просмотра «Красотки» я убеждена, что в каждую продавщицу в модном бутике вживлен сканер, способный моментально определить платежеспособность посетителя по одному взгляду на одежду.

- Пройдемте, мисс Соулман, - Прайд мягко трогает меня за локоть. - Нас ожидают.

К счастью, проникнув в эпицентр дизайнерского рая с его мраморными полами и причудливыми люстрами, я не ловлю на себе взглядов «Тебе здесь не место, оборванка». Напротив, встречающая нас брюнетка, одетая в кремовую рубашку и коньячного цвета юбку, выглядит так, словно встретила своего давно утерянного родственника.

– Мисс Соулман! Рады приветствовать вас в нашем магазине. Секретарь мистера Колдфилда сообщила, что вам необходим сногшибательный вечерний туалет. – Она бегло пробегається по моей фигуре взглядом и одаривает солнечной улыбкой: – Думаю, я знаю, что может вам подойти.

Девушка скрывается в одном из смежных залов и через пару минут возвращается, держа в руках два платья: первое – узкое с глубоким декольте и вызывающим леопардовым принтом, второе – из тончайшего серого шелка на тонких бретелях, явно не предусматривающее ношение белья.

– Это идеально подчеркнет ваш экзотический разрез глаз, а второе сделает вас верхом утонченности, – с улыбкой комментирует девушка.

«Первое сделает меня дешевой шлюхой, а второе позволит окружающим детально разглядеть мою грудь», – фыркаю про себя. Черта с два я дам Кейну возможность превратить себя в какую-то дизайнерскую куклу. В эту игру могут играть двое.

– Спасибо за вашу помощь, но я бы хотела выбрать платье сама, – говорю твердо.

Улыбка замерзает на губах девушки, и она, отступив немного назад, кивает.

– Конечно, мисс Соулман. Уверена, мы что-нибудь для вас подберем.

Поплотнее сжав в руках сумку, я быстро окидываю взглядом стены и шагаю туда, где замечаю самые скучные платья. Пощелкав вешалками, вытаскиваю наиболее подходящее: из плотного материала с небольшим круглым вырезом на груди, рукавами три четверти и расклешенной юбкой, прикрывающей колени.

– Я выбираю это, – демонстрирую вешалку, держа ее на одном пальце.

– Не думаю, что оно достаточно нарядно, мисс... – пробует вмешаться консультант.

– Мне оно нравится, – обрываю ее и перевожу глаза на застывшего возле бархатной кушетки Прайда. – Были ли еще какие-то распоряжения от мистера Колдфилда?

– Вам нужны будут обувь и сумка к платью, – отвечает девушка вместо него. –
Пройдемте, я вам покажу.

Я останавливаю свой выбор на закрытых черных шпильках, но Сандра, как зовут консультанта, так старательно убеждает меня выбрать открытые черные босоножки, что я в конце концов сдаюсь. Эта девушка действительно старается делать свою работу хорошо, и мне не хочется ее обижать. К босоножкам она подбирает крохотный, расшитый бисером черный клатч с яркой атласной подкладкой и, упаковав все в глянцевые пакеты, с дежурной улыбкой провожает нас к выходу.

– Куда теперь, Прайд? – поднимаю бровь, немного ободренная своим маленьким бунтом. Звонок брата словно мобилизовал мои силы, и сейчас во мне клокочет настоящий боевой азарт.

– Мы едем домой, – невозмутимо откликается мужчина и всю оставшуюся дорогу больше не произносит ни слова.

По приезде в резиденцию Кейна я сразу же собираюсь скрыться в своей комнате, но Прайд окликает меня:

– Мисс Соулман, обед ждет вас на столе. Вам необходимо поесть.

Я не ела со вчерашнего дня, отчего желудок слегка ноет, однако я уже дала себе слово, что не стану есть на кухне, поэтому отрицательно машу головой:

– Спасибо, но я не хочу.

– Мисс Соулман, мистеру Колдфилду вряд ли придется по нраву, если вы станете морить себя голодом.

– Мне плевать, что там нравится мистеру Колдфилду, – фыркаю, разворачиваясь к лестнице. – Насильно есть он меня не заставит.

Прайд поджимает губы, демонстрируя свое недовольство, однако уже через секунду на его лице царит прежнее выражение безмятежности.

– В течение двух часов приедет стилист, мисс Соулман. Я дам вам знать.

Бросив пакеты на полу своей временной спальни, я скидываю с ног кроссовки и валюсь на кровать. Мои мысли вновь возвращаются к Артуру: к тому, что такого они могли не поделить с Кейном; как вышло, что лучшие друзья стали врагами, и что стало причиной тому, что Кейн избил своего отца. Игнорируя агрессивное урчание в желудке, обнимаю подушку и постепенно проваливаюсь в сон.

Когда я открываю глаза, первое, что нащупывает мой взгляд – это тарелка с сэндвичем, стоящая на прикроватной тумбе. Во рту стремительно собирается слюна, и я, недолго думая, хватаю его и начинаю жадно есть. С индейкой и салатом, как я люблю. Расправившись с ним меньше чем за пару минут, стряхиваю с себя крошки и иду в душ. Что бы ни происходило, я не могу позволить себе выйти в свет с несвежей головой.

Когда я выхожу из ванной, завернутая в халат и с махровым тюрбаном на голове, раздается стук. Еще до того, как я открываю дверь, знаю, что обнаружу на пороге Прайда. Я научилась вычислять его по настойчивой деликатности.

– Прибыл стилист с помощниками, мисс Соулман. Сказать, чтобы они поднимались к вам?

– Как будет угодно, – пожимаю плечами, демонстрируя равнодушие. Пусть не думает, что меня будоражит или забавляет предстоящее мероприятие.

Через минуту в спальне появляется subtilный мужчина с модной гелевой прической, в узких брюках и кричащей дизайнерской толстовке, в сопровождении двух помощниц.

– Да у нас тут красавица! – восклицает с порога, и в его голосе угадываются типичные для представителей его профессии жеманные нотки. – С такими данными работать будет одно удовольствие. Я Ченнинг, а это Сара и Офелия.

По очереди киваю посетителям в знак вежливости и негромко представляюсь:

– Эрика.

– Перед тем как мы приступим, покажи свое платье, Эрика, – воодушевленно щебечет Ченнинг. – Нужно решить, на чем сделать акцент.

Я не без некоторого смущения извлекаю из пакета свой революционный выбор и вижу, как лицо стилиста вытягивается в глубоком разочаровании.

– Милая, мне придется подчеркнуть и глаза, и губы, чтобы отвлечь внимание от этой скукоты. Я бы распял того байера, который помог тебе выбрать такой наряд. На похоронах своей бабушки я был одет наряднее.

– У меня красивые сумка и босоножки, – бормочу, еще больше смущенная его тирадой.

– Ладно, красавица, – картинно вздыхает мужчина. – Сделаем так, чтобы твое лицо затмило это черное уныние.

На протяжении двух часов я оказываюсь обездвиженной в кресле, пока Ченнинг колдует над моими волосами и лицом, а его молчаливые феи занимаются ногтями. Вообще, я тщательно слежу за своим маникюром и педикюром, но по высоким стандартам Кейна Колдфилда этого, очевидно, не достаточно.

– Мы закончили, – скромно заключает Ченнинг и, немного отступив назад, оглядывает меня с видом Бога, извлекшего ребро Адама. С неприкрытой гордостью.

– Теперь можешь идти хоть в халате, красавица. Ты всех затмишь.

Когда Ченнинг с помощницами уходят, я поворачиваюсь к зеркалу, чтобы оценить результаты его работы. В отражении на меня смотрит знойная брюнетка, совсем не напоминающая настоящую меня: раскосые глаза, подчеркнутые темными тенями и длинной стрелкой подводки, скулы, рельеф которых оттенен бронзовым сиянием, и глянцевые губы, выглядящие гораздо объемнее, чем обычно. К счастью, Ченнинг не стал проявлять излишнюю изобретательность в создании прически, оставив волосы распущенными и придав им пышности у корней. И пусть я не преследую цели выглядеть хорошо для Кейна, все же не могу не признать, что мой образ мне очень нравится.

Звук открывшейся двери заставляет меня вздрогнуть от неожиданности. Разумеется, лишь один человек мог войти в чужую спальню без стука. Кейн. Застываю рядом с зеркалом и машинально стягиваю ткань халата на груди, пока наблюдаю, как он твердым шагом проходит внутрь спальни и, остановившись рядом с кроватью, бегло осматривает разложенное на нем платье. В очередной раз его присутствие действует на меня отравляюще: во рту становится сухо, а пульс учащается. Возможно, от пробирающей прямоты его взгляда, выворачивающего внутренности наизнанку, а возможно, потому что в белой рубашке и угольно-черном смокинге он смотрится чересчур безупречно.

– Кажется, у нас был разговор по поводу голодовки и твоих демонстрационных забастовок, – негромко произносит Кейн, пристально изучая глазами мое лицо. – Завтрак, обед и ужин подаются на кухне. Именно там ты будешь есть. Никаких доставок сэндвичей в спальню. Надеюсь, это понятно.

Пытаясь успокоить барабнящее сердце, я вскидываю голову и произношу как можно ровнее:

– Я не собираюсь голодать. Я всего лишь не хочу есть... за тем столом.

– И чем плох тот стол? Тем, что ты кончала на нем? – слегка склонив голову вбок, Кейн делает несколько шагов ко мне, отчего я плотнее вжимаюсь в комод. – А если я соберусь поиметь тебя на каждой поверхности в этом доме, что ты сделаешь? Будешь спать на улице?

Я молчу, беззвучно втягивая носом накалившийся между нами воздух. Опасность. Вот как я бы назвала его запах. От него у меня начинают подрагивать пальцы, а по спине пробегает адреналиновая дрожь.

– Просто не вынуждай меня принимать меры, Эрика. Через пятнадцать минут я жду тебя внизу.

С этими словами Кейн запускает руку в карман своего смокинга и извлекает оттуда квадратную красную коробку. Не ослабляя зрительного контакта, подходит ко мне и, едва задев мое плечо рукавом смокинга, ставит ее на комод.

– Наденешь это.

Развернувшись, в два шага достигает кровати и, небрежно скомкав в кулаке лежащее на покрывале платье, перекидывает его через плечо и молча выходит за дверь. И прежде чем я успеваю подумать, что все это значит, в комнате появляется Прайд, держа в руках большой белый пакет с именем итальянского кутюрье. Так же не произнося ни звука, ставит его на кровать и удаляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/salah_alayna/porochnaya-mest

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)